Новое в жизни, науке, технике

Подписная научно-популярная серия
11'91
Теория и практика социализма

Г.Д.Гловели

«СОЦИАЛИЗМ НАУКИ»: МЁБИУСОВА ЛЕНТА А.А.БОГДАНОВА

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛИЗМА

11/1991

Издается ежемесячно с 1967 г.

Г. Д. Гловели

«СОЦИАЛИЗМ НАУКИ»: МЁБИУСОВА ЛЕНТА А. А. БОГДАНОВА

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ» 1991

ББК 66.02
Г 54

Автор: ГЛОВЕЛИ Георгий Джемалович — кандидат экономических наук.

Редактор *В. Р. БЫСТРОВ*

Гловели Г. Д.

Г 54 «Социализм науки»: Мёбиусова лента А. А. Богданова. — М.: Знание, 1991. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Теория и практика социализма»; № 11).
ISBN 5-07-002186-9
40 к.

Цель предлагаемой брошюры: дать представление о творческой лаборатории А. А. Богданова (1873—1928) — теоретика пролетарского социализма и ученого с энциклопедической широтой научных интересов. Идейная эволюция мыслителя рассматривается на фоне его политической биографии; при этом опровергается ряд стереотипов, связанных с именем А. А. Богданова.

0301050100 ББК 66.02

ISBN 5-07-002186-9

МОЕЙ БАБУШКЕ
АЛЕКСАНДРЕ ИВАНОВНЕ КУБРАК
ПОСВЯЩАЮ

ВВЕДЕНИЕ

Запоздавшая, пожалуй, книжная серия «Библиотека социалистической мысли» открылась вышедшим в 1990 г. сборником работ Александра Александровича Богданова (Малиновского) «Вопросы социализма». Годом ранее издательство «Экономика» выпустило книгу того же автора с непривычным для широкого читателя названием — «Тектология. Всеобщая организационная наука». Переиздание этой работы, созданной в 1913—1928 гг., вызвано тем, что она намного обогнала свое время и предвосхитила многие основоположения кибернетики и современного системного подхода.

Читая «Тектологию», мы не раз увидим на ее страницах отблеск социалистического идеала. А читая «Вопросы социализма», заметим вкрапления громадной научной эрудиции автора, простирающейся от космогонии до языкознания и «шекспировского вопроса».

Редкостное сочетание в одном лице крупного деятеля рабочего движения и ученого-энциклопедиста, сравнимого по своему планетарному кругозору с К. Э. Циолковским, Н. А. Морозовым, В. И. Вернадским, А. Л. Чижевским, определило уникальность места Богданова в истории социалистической идеи. Но—увы! — в гораздо большей степени это сочетание определило трагическую судьбу Богданова-мыслителя — прижизненную и посмертную. Непонимание его взглядов приобрело (по словам самого Богданова) «какой-то злостный характер». Чем это вызвано?

В математике есть понятие листа, или ленты, Мёбиуса. Такая лента получится, если узкую прямоугольную полосу перекрутить на пол-оборота, а затем склеить так, чтобы совпали противоположные края. Образовавшаяся поверхность уникальна тем, что является односторонней — но не одномерной! Как и фигуру-многогранник, мёбиусову ленту можно изобразить на плоскости лишь при помощи совокупности пересекающихся линий.

При чем здесь Богданов? В «Тектологии» он характеризует «научный социализм» Маркса как освобождение идеала социализма от религиозно-метафизической окраски и веры в его убеждающую силу для высших классов, а рабочего движения — от профессионально-цеховой узости, представлений «о грубо материальном характере его целей, о стихийной непосредственности действия». Немного переиначив, можно сказать: Маркс и Энгельс выпрямили «углы» социалистического идеала, придали ему четкие границы «научного мировоззрения».

Богданов же считал достаточным условием торжества социалистического идеала вбирание теорией социализма достижений научно-технической мысли, а необходимым — обретение наукой цельности и направленности к лучшей организации человечества благодаря слиянию с рабочим движением. Движимый этой идеей, Богданов пришел к созданию тектологии (от греческого «тектон» — строитель) — «универсальной науки о планомерных комбинациях мировой практики и познания», всеобщей естественной науки о строительстве социализма.

Таким образом, Марксов «научный социализм» у Богданова как бы скручивается в мёбиусову ленту социализма науки. Проецируя эту ленту в плоскость критического анализа, мы не можем обойтись без «линий пересечения» богдановской мысли. Говоря проще, мы не сможем понять Богданова как теоретика социализма, упуская из виду историю науки (скажем, астрономии или биологии). С другой стороны, мы не сможем понять Богданова-ученого — предвозвестника кибернетики, игнорируя социалистический подтекст его научных исканий.

«Злостное непонимание» проистекает из стремления очертить систему идей Богданова какой-либо одной непрерывной линией, каким-нибудь «измом». Мы пойдем по другому пути, стараясь увидеть за утопической односторонностью (не однолинейностью!) «социализма науки» многомерность как личности А. А. Богданова, так и проблем, скрытых внутри мёбиусовой ленты. Стараясь выпукло представить облик Богданова как социалистического мыслителя, мы попутно будем стирать с его портрета наслоения тенденциозно-критической пыли.

СОЦИАЛИЗМ КАК ПРИЗВАНИЕ УЧЕНОГО

В неопубликованных воспоминаниях о детстве (1925) Богданов писал, что «большая утопия разумных человеческих отношений» зародилась в его голове под воздействием конфликтных перипетий в жизни семьи. Вместе со старшим братом он рано привык отстаивать «общедетские интересы», сопротивляясь старозаветным (вплоть до порки) родительским методам воспитания. Также вместе братья «отчаянно» читали, утоляя «необузданно-исследовательскую жажду неизведанного». «Критика семейных авторитетов и книжное проникновение в жизнь» сделали юного Александра рационалистом. Ему казалось очевидным, что «стоило людям разумно взглянуть на свои взаимные отношения, чтобы гармонично их организовать». Однажды после жестокой сцены между родителями он с высоты 8-летней мудрости посоветовал отцу с матерью не мучить друг друга, раздражаясь из-за пустяков, а столковаться, обсуждая каждый вопрос «спокойно и по порядку».

Глубокий след в душе Александра оставили пережитые им к 10 годам смерти двух маленьких братьев. Они подорвали отношение «уже мыслящего существа» к всеблагому Творцу, который «все может, но кого взял — не возвращает», несмотря на просьбы и слезные молитвы. Все связанное с Богом и религией получило «какую-то холодно-мертвенную окраску, отблеск того непоправимого, которое неожиданно приходит и беспощадно сжимает сердце» Религиозное чувство сменилось пониманием «единства страдания в мире», сопереживанием всему живому и «вражды ко всему, что разрушает жизнь, единую, понятную, близкую, дорогую» Верность «первому ребяческому идеалу — жизни без боли и смерти», жизни, в которой преобладает не сострадание, а сорадование, Богданов сохранил до своего последнего часа.

Пора гимназии пришлась на эпоху «серого террора» — так называли современники 80-е годы прошлого века в России. После жестокого поражения революционеров-террористов в поединке с самодержавием всеусыпляющая казенщина проникла во все поры русской жизни. Не был исключением и Тульский пансион, где на казенный кошт обучался Александр Малиновский. Ограниченные областью латинских и греческих учебников сухие педагоги, добивав-

шиеся чинов, невежественные, без чести и самоуважения, походя ломали все живое в детях. «А в наших душах, — вспоминал одноклассник Александра Петр Смидович, — зрела глубокая ненависть ко всему официальному, презрение ко всему насильственному строю». Родником живой воды были сочинения классиков революционно-демократической мысли и книги по естествознанию, особенно блестящие популяризации К. А. Тимирязева. Они открывали мир подлинной науки как страстной, полной захватывающего интереса борьбы творческого разума с косностью сложившихся норм и навыков традиционного сознания.

Ко дню получения аттестата А. Малиновский хорошо ориентировался в естествознании и русской литературе, был автором самостоятельных по мысли «ученых записок» о значении научных открытий и изобретений в жизни человечества. Но кроме того, он вырос в одного из тех радикальных интеллигентов, для которых были характерны «глубокое отчуждение от казенного русского общества и увлеченность идеальными социальными целями»[2]. Поступив в 1892 г. на естественное отделение Московского университета, А. Малиновский стал свидетелем и участником возрождения революционной активности мыслящей русской молодежи. Широко разлившийся по стране голод 1891—1892 гг. (читайте «В голодный год» В. Г. Короленко) вывел из состояния летаргии молодую интеллигенцию, и ее значительная часть увлеклась «рабочей идеей». Разгоревшиеся баталии народников и марксистов отражали и спор земледельческой Руси с Россией, втягивавшейся в мировое капиталистическое производство. Видный публицист тех лет так описывал перелом в настроениях интеллигенции: «Идея пролетариата оказалась единственным исходом и опорой для растерявшейся русской мысли. После годов тоски, скуки, цинизма, и равнодушия где-то вдали блеснула надежда на какое-то великое решение (а мы всегда искали великих решений), явилась мысль, могучая по своей организующей силе»[3].

Студент Малиновский, еще не выбравший между народовольчеством и марксизмом,—один из лидеров Союзного Совета землячеств — организации, выросшей в 1892—1893 гг. из простой кассы взаимопомощи в школу, возбуждающую и воспитывающую гражданское самосознание в студенчестве. В ноябре 1894 г. по ини-

циативе Союзного Совета был осмеян и освистан маститый В. О. Ключевский за панегирик почившему в бозе императору Александру III. Ответом администрации и охранного отделения стали исключения из университета и аресты активистов Совета, в том числе А. Малиновского. Высланный в Тулу, он в начале 1895 г. сближается с рабочим-механиком Иваном Савельевым и вместе с ним руководит кружками экономико-политического образования на Оружейном и Патронном заводах. В «экономических беседах», в вопросах своих учеников юный руководитель улавливает определенные тенденции, направленне для ищущей мысли молодого лектора: «Соединить, как звенья одной сложной цепи развития, явления технические и экономические с вытекающими из них формами духовной культуры»[4]. Именно в такой связи был скомбинирован материал в вышедшем под быстро прославившимся псевдонимом «Богданов» «Кратком курсе экономической науки» (1897). Эта книга — блестящий итог изучения ее автором «Капитала» Маркса в сотворчестве с тульскими рабочими — сразу стала настольной для молодой социал-демократии России.

Немного отвлекаясь, вдумаемся в такие факты. В 1895 г., когда Богданов начал проходить свои «пролетарские университеты», великий просветитель-библиограф Н. А. Рубакин писал в «Этюдах о русской читающей публике» о появлении нового «типа вполне интеллигентного человека из фабричных рабочих». Одним из таких рабочих был текстильщик Авенир Ноздрин. Работая по 11 часов в сутки на фабрике в Петербурге, он выкраивал из скудного досуга время для чтения, а в том же 1895 г. передал юному вождю символистов Валерию Брюсову 245 своих стихотворений, в которых будущий мэтр русской поэзии нашел «своеобразный взгляд на мир», назвав поэта-рабочего «Кольцовым, пишущим в духе Тютчева». В 1905 г. А. И. Ноздрин стал председателем первого в истории Совета рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске. Такие рабочие, как Ноздрин, как Иван Савельев, как изобретатель-самоучка и писатель Николай Лазарев, как участники богдановского кружка токарь Сергей Степанов (будущий «красный директор» Патронного завода) и фрезеровщик Николай Немцов, вселяли в молодых интеллигентов-марксистов уверенность в возможность пролетарской революции в России.

С 1895 г. начинается отсчет нового, пролетарского, этапа русского революционного движения. Один из виднейших деятелей этого этапа — А. Богданов-Малиновский: вокруг его разросшегося кружка складывается социал-демократическая организация Тулы. Богданов налаживает связь с рабочими организациями Москвы и Харькова (где попутно заканчивает экстерном медицинский факультет университета). Вместе со своими друзьями В. А. Базаровым и И. И. Скворцовым-Степановым Богданов организует в Туле не просто систему пропаганды, а своего рода подпольный университет.

Известный большевик П. Н. Лепешинский, начинавший как пропагандист-марксист в одно время с Богдановым, вспоминал, что с недружелюбием встречал «не относящиеся к делу» (т. е. к экономике и социализму) вопросы о «происхождении мира или человека», на которые рабочие требовали прямых ответов. «Таким же предрассудочным отношением к естественным запросам ума стремившегося «из мрака к свету» рабочего грешили и многие другие интеллигенты, бравшиеся в то время за дело социалистической пропаганды»[5]. Но не Богданов и его соратники! Они шли навстречу широте и разнообразию запросов своих слушателей «в области общего мировоззрения» и принуждены были сами учиться многому, о чем раньше им казалось достаточным иметь беглые поверхностные сведения. Марксизм стал для Богданова не просто руководством в политической борьбе, но чем-то бо́льшим — «научным откровением», полем исследовательской работы, призванием ученого-естествоиспытателя. Богданов пришел к выводу об особом складе мышления рабочих, коренящемся глубоко в условиях коллективно-трудовой жизни — «стихийном, но прирожденном стремлении к монизму», к уяснению всего материала естествознания и философии в виде единой системы взаимосвязанных научных методов. Начались интенсивные поиски единой «научной картины мира для своего времени и для класса, делу которого себя посвятил».

Психологи, изучающие процесс «продуктивного мышления», определяют его начальную стадию как «возникновение темы», прилив чувства «направленной напряженности, мобилизующей творческие силы»[6]. Именно такой стадией сильнейшего творческого им-

пульса стал для Богданова опыт тульского рабочего кружка. Возникшая «тема» — всестороннее научное оформление нового «миропонимания», синтезирующего производственный и морально-политический опыт рабочего класса с теоретико-познавательными ориентирами естествознания, обобщение накопленных человечеством знаний в единую науку, ориентированную на социализм.

Науковеды подчеркивают гораздо большую, чем в странах Запада, роль идейных факторов в развитии русской науки. Социальный идеализм русских ученых часто способствовал сближению теоретического поиска с поиском утопии[7] В русской революционно-демократической мысли было немало оригинальных попыток дать развернутое естественнонаучное обоснование социализма. Эти попытки, предпринятые Л. И. Мечниковым, С. А. Подолинским, П. А. Кропоткиным, оказались плодоносными для современной географии, социобиологии, учения о ноосфере. Основоположник космонавтики К. Э. Циолковский был и социальным утопистом, вдохновляемым надеждой, что его труды «может быть, скоро, а может быть, в отдаленном будущем — дадут обществу горы хлеба и бездну могущества». Эти часто цитировавшиеся слова взяты с 1-й страницы брошюры Циолковского о «чисто металлическом аэростате из волнистого железа», вышедшей в 1913 г. В том же году вышел и 1-й том «Тектологии» бывшего большевика А. А. Богданова — «закладка основ науки, объединяющей организационный опыт человечества, науки жизненно необходимой».

Но почему Богданов стал к этому времени бывшим большевиком? Сделаем экскурс в историю РСДРП.

ЕРЕТИК

Смена столетий застала Богданова в ссылке. Сначала в Калуге, где он возглавил кружок социал-демократов (В. А. Базаров, И. И. Скворцов-Степанов, А. В. Луначарский), стремившихся «укрепить гносеологическую, этическую и эстетическую стороны марксизма». Эта работа была продолжена Богдановым и Луначарским в Вологде, где им оппонировали на философских диспутах ссыльных два автора нашумевшего сборника «Проблемы идеализма» (и два будущих автора «Вех») Н. А. Бердяев и Б. А. Кистяковский. По

свидетельству очевидца, «идеалисты в лице Бердяева бывали обыкновенно биты Богдановым и Луначарским, но нимало этим не смущались: разбитые на земле на основании науки и логики, они уходили на небо, в область «трансцендентного»... и там, где неприложимы доводы ни науки, ни логики, конечно, оставались непобедимыми»[1]. Полемика перешла в журнал «Вопросы философии и психологии», а в 1904 г. появился сборник «Очерки реалистического мировоззрения», организованный ссыльными вологжанами С. А. Суворовым, Богдановым и Луначарским в противовес «Проблемам идеализма».

В Вологде вокруг Богданова сплотилась группа социал-демократов, горячо поддерживавших программные положения книги Ленина «Что делать?» и ставших впоследствии видными большевиками. (Помимо Луначарского и Суворова, в группу входили такие интеллектуалы, как И. А. Саммер и О. А. Квиткин. Квиткин, активный участник революции 1905 г., впоследствии окончил в Париже математический факультет Сорбонны и стал выдающимся советским демографом и статистиком. Руководитель Всесоюзных переписей населения 1926 и 1937 гг., он погиб в лихолетье Большого Террора.)

По завершении срока ссылки Богданов ведет партийную работу в Твери, а летом 1904 г. встречается в Женеве с Лениным и становится его виднейшим союзником в борьбе за политическое самоопределение большевизма. Уже известный литератор, Богданов проявил и незаурядные организаторские способности, в немалой степени содействовал успеху III (всецело большевистского) съезда РСДРП. Незаменимым «странствующим полемистом с меньшевиками» показал себя друг Богданова Луначарский. Богданов склонил на сторону большевиков «примиренца» Л. Б. Красина, и вместе с Лениным они составили руководящее большевистское ядро в революционные 1905—1907 гг.

Однако после революции «солидарство» распалось. Тактические разногласия внутри Большевистского Центра вплелись тугими нитями в сложный клубок полемики о философских основаниях марксизма между «ортодоксами»-меньшевиками и большевиками из бывших «вологодских реалистов» (Богданов, Базаров, Луначарский). Ленин разрубил этот гордиев узел острием «Материализма

и эмпириокритицизма», обвинив Богданова в протаскивании в учителя рабочим философов-реакционеров.

Оселком, на котором испытывалось философское благоверие русских марксистов, был апробированный Плехановым «диалектический материализм», основной категорией которого признавалась «материя», определяемая как «совокупность вещей в себе, поскольку эти вещи являются источником наших ощущений»[2].

Богданов счел такое определение тавтологией, а понятие «вещи в себе» — осадком метафизических систем, излишним для той философской ориентации, которая дана в Марксовых «Тезисах о Фейербахе». Согласно Богданову, исходный пункт социальной теории Маркса — не распространение принципов философского материализма на область общественных явлений, а возвышение трудовой активности, отношение к действительности как к объекту коллективной человеческой практики. Если человечество в преобразовании мира может теоретически исследовать и практически воспроизвести любой тип материи[3], то нет никакой надобности в стоящем над естествознанием понятии «материи — вещи в себе» Считая, что понятие «материя», как и всякое другое, подлежит естественнонаучному определению, Богданов высмеял учеников Плеханова, заявивших, что требовать определения материи все равно, что требовать от теолога объяснений относительно причины Бога.

По мнению Богданова, интегративные процессы в естествознании к началу XX в. — энергетика, объединившая механику, физику и химию, и эволюционизм, объединивший науки о жизни друг с другом и с теорией познания, способствовали необходимому соединению естествознания с пролетарским социализмом и дополнению теории Маркса до «всенаучного монизма метода»

Выясняя идейные предпочтения Богданова, можно выделить как бы три витка спирали «монизма метода»: 1) естественноисторический подход к рассмотрению мира живой природы (Ч. Дарвин, К. А. Тимирязев), социально-экономических явлений (Карл Маркс), языка (востоковед Макс Мюллер), познания (физик Э. Мах и социолог Г Зиммель), эмоций (философ Б. Спиноза, физиолог Т Мейнерт, психолог У Джеймс и анатом К. Ланге); 2) выделение общенаучных принципов — энергетики (химик В. Оствальд), естественного отбора (биолог Ф. Ле-Дантек), аналогий (Э. Мах); 3) кол-

лективно-трудовой генезис явлений духовной культуры: речи (филолог Л. Нуаре), мифов (М. Мюллер), искусства (экономист К. Бюхер), логики (рабочий-философ И. Дицген), теоретического естествознания (собранный Э. Махом материал о развитии точных наук из обыденного знания трудящихся). Большое влияние на Богданова оказал И. В. Гёте — поэт-энциклопедист и «величайший учитель творчества». Гётевский «Фауст» воспринимался Богдановым как история мятущейся человеческой души, после долгих усилий нашедшей «гармонию стройно-целостного существования» в труде для коллективного блага.

Построение философской системы Богданов считал не результатом самопроявления мыслителя, а реализацией потребности коллектива в единении социально-трудового опыта, в координации «разнородных познавательных орудий». Идеалом выдвинутой Богдановым программы «эмпириомонизма» выступало гармоничное согласование индивидуального опыта с опытом социально организованным и слияние деятельной личности с коллективом-универсумом. Человек — только «живая клетка коллектива», но с другой стороны — «мир, бесконечно развертывающийся, не ограниченный никакими безусловными пределами». Противоречие?

Да, но оно принадлежит не Богданову, а всей идущей от эпохи Возрождения традиции «гуманистического активизма». Достаточно вспомнить огнепального Джордано Бруно, который проповедовал героический энтузиазм и творческое обновление мира и одновременно «растворил личность во всеобщем и бесконечном мировом механизме»[4]. Бруно звал к «соревнованию с божественными деяниями» — и подавлял человека величием громадного Космоса. Его философия — пример возрождающегося на каждом витке противоречия человеческого мышления: «Критическая смелость, отрицание любой интеллектуальной структуры... оборачивается созданием системы жестких ограничений и запретов»[5].

Бруно вошел в историю как подвижник науки и еретик, бросивший вызов «истинной вере». Еретиком был и Богданов, отлученный столпами ортодоксии от «истинного марксизма».

«Отлучение» началось в 1904 г., когда «очень крупный работник с такой теоретической выучкой и таким литературным талантом, как А. А. Богданов, встал на сторону большевиков. Меньше-

вими переполошились»[6]. На их стороне были Г. В. Плеханов и его ученица (и заместитель по философской «ортодоксии») Л. Аксельрод. Критика «ревизиониста» Богданова была признана важной в политическом смысле — как «укол» большевикам. А в 1908 г. Плеханов вынес вердикт: «Богданов должен умереть сейчас».

«Плеханов в своих замечаниях против махизма не столько заботился об опровержении Маха, сколько о нанесении фракционного ущерба большевизму». Это писал Ленин. Но он же признал правоту плехановского «воинствующего материализма». И пошел на разрыв с Богдановым, стоявшим на своем: терпкий «диалектический материализм» Плеханова безнадежно отстал от «грандиозной научно-технической революции, которая развертывается на наших глазах».

«Написанное Плехановым по философии... это лучшее во всей международной литературе марксизма»[7]. Эта формула, сколь неверная, столь и категоричная, стала прикрытием для различных под-плехановых, считавших очернение Богданова «марксоугодным» делом. Раскрытый Богдановым в книге «Вера и наука» (1910) «беспримерный факт» фальсификации Плехановым 2-го из Марксовых тезисов о Фейербахе (ради удобства в философской полемике) не известен широкому читателю. Потому что «Вера и наука» (вообще говоря, явно не лучшая работа Богданова), равно как и другие философские книги «еретика», не были ни разу переизданы после того, как в 1923 г. вышел плехановско-ленинский сборник «Против Богданова», и «плехановская ортодоксия» стала лозунгом советской философии, чтобы уступить затем место сталинскому «диамату». Злобой и ненавистью к «еретику» полон том «философско-литературного наследия Г. В. Плеханова», вышедший в один год с «Кратким курсом истории ВКП(б)». И даже фантастические романы Богданова в «трудах» по истории «отстаивания диалектического материализма» оцениваются как форма пропаганды «махистских идей». Но есть и другие мнения на этот счет.

ОТБЛЕСКИ «КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ»

Роман Богданова «Красная звезда» (1908) не только хрестоматийная социалистическая утопия, но и интересная страница интел-

альтуальной истории человечества. «Золотыми блестками пронизывают ткань книги научные предвидения поразительной глубины»,— пишет вице-президент Всемирной ассоциации научной фантастики Е. Парнов. Богданову удалось оплодотворить осевую идею своей деятельности — взаимосопряжение науки и социализма — формой динамичного художественного повествования, достигнуть в кульминационных сценах не только интеллектуальной насыщенности, но и высокого эмоционального накала. Авторские знания, убеждения и сомнения рассыпаны по высказываниям и поступкам различных героев, что придает роману черты полифоничности.

В начале XX в. утопии назывались «преждевременными истинами», «поэзией общественных движений», «буревестниками истории». Прохождение через тоталитаризм изменило отношение человечества к утопиям. Они стали отождествляться с догматической ортодоксией, подтягивающей при помощи штыка и приклада живую жизнь под «проектную» схему. Однако, как отмечает В. Чаликова, автор самых глубоких в СССР работ по утопии и тоталитаризму, «считать, что сталинская Россия, гитлеровская Германия или полпотовская Кампучия — сбывшаяся утопия, добросовестному ученому не позволяют факты»[4]. Сводить утопию к матрице тоталитаризма так же близоруко, как сводить социализм к уничтожению рынка.

Влияние конкретных литературных и социально-экономических утопий играл заметную и еще плохо изученную роль на пролетарском этапе русского революционного движения. На первой российской маевке в Петербурге (1891) известный рабочий революционер Ф. Афанасьев советовал собравшимся знакомиться с идеалами социализма по книге американца Э. Беллами «Через 100 лет» (1887, 5 русский изданий с 1889-го по 1918-й). В. И. Ленин высоко оценил книгу германского экономиста К. Баллода «Государство будущего» (1897), увидев в ней «научный план социалистического переустройства всего народного хозяйства».

Каким же видели общество будущего Беллами и Баллод? Центральный вопрос, стоящий перед социалистической организацией производства, — обеспечить эффективный механизм аккумуляции трудовой энергии работников, альтернативный рыночному механизму функционирования рабочей силы. (Как ни прозаично звучит

это для любящих талдычить ни к чему не обязывающую фразу «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».) Ни американский социалист, ни германский профессор не нашли другого варианта, чем всеобщая трудовая повинность, регулируемая государством, взявшим на себя «заботу о воспитании, образовании и наилучшем содержании всех своих граждан». У Беллами все члены общества проходят 24-летний срок службы в «промышленной армии», возглавляемой президентом республики. У Баллода срок «промышленной повинности» сокращен до 6 лет: по его мнению, для удовлетворения потребностей всех членов общества достаточен производительный труд молодежи в возрасте от 17 до 23 лет. Причем допускается освобождение от службы в трудармии для прошедших жесткое сито конкурсных экзаменов и получивших высшее образование, а назначение образованных — «занимать должности».

«Веселая картина»! А ведь Баллод считал себя марксистом. В самом деле, в «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс рекомендовали в ряду первоначальных социалистических мер учреждение промышленных армий, в особенности (!) для земледелия. Не случайно в период «военного коммунизма» большевики переиздали книгу Баллода. Но основоположники марксизма предложили и более серьезную альтернативу купле-продаже рабочей силы. Эта альтернатива — политехническое обучение[2] и перемена труда, освобождающие работника от прикованности к одному роду занятий. Общество, освобожденное от пут капиталистического производства, писал Энгельс в «Анти-Дюринге» вырастит «новое поколение всесторонне развитых производителей, которые понимают научные основы всего промышленного производства и каждый из которых изучил на практике целый ряд отраслей производства от начала до конца».

Именно такое общество, где перемена занятий сделала возможным «переход к неограниченной свободе труда» и универсальное развитие сил и способностей работников изобразил Богданов в своем романе. Роль экономического нерва выполняет институт подсчетов, составляющий баланс общественно необходимого труда. Статистические агентуры контролируют движение продуктов и степень производительности труда, кадры добровольцев переходят

с трудоизбыточных производств на предприятия с недостатком рабочих рук. Универсальное научно-техническое знание каждого работника развило в нем культуру ума и внимания, в производственном процессе он кажется «любознательным наблюдателем».

Технология производства в грядущем описана Богдановым с удивительной прозорливостью. Современные исследователи научно-технической революции выделяют такие ее черты, как овладение атомной энергией; автоматизация производства; создание благодаря достижениям химии материалов с заранее заданными свойствами; кибернетика; выход человечества в космос; продление жизни; воздействие на процессы органической жизни [3]. Все эти атрибуты НТР предвосхищены Богдановым.

Плеханов писал, что обратная сторона Луны навсегда останется недоступной для исследователей. Очевидно, мысль о полете к другим мирам казалась ему нематериалистической. А вот Богданов подходил к проблеме космических путешествий «по-циолковски». Как отметил в своей уникальной энциклопедии «Межпланетные сообщения» один из пионеров космонавтики профессор Н. А. Рынин, в «Красной звезде» Богданов впервые (!) выдвинул идею использования атомной энергии для двигателей космических кораблей. «Красная звезда» — своеобразный перекресток, на котором «призрак коммунизма» встретился с другой великой мечтой человечества — надеждой на контакт с «братьями по разуму».

Ведь не прихоть фантазии побудила Богданова поместить социалистическое общество на другой планете. Слово «Марс» стало магическим после того, как в 1877 г. итальянский астроном Дж. Скиапарелли обнаружил на поверхности «красной планеты» сеть тонких линий, назвав их каналами и затем сделав вывод, что это — ирригационные сооружения. Ирригационные сооружения, воздвигнутые жителями Марса — марсианами, цивилизация которых обогнала в своем развитии земную, — такая интерпретация телескопических наблюдений стала будоражить умы астрономов, поэтов, фантастов. Астроном П. Ловелл на свои средства соорудил в США специальную обсерваторию для наблюдения «каналов». Француз К. Фламмарион, блестящий популяризатор науки, внедрил идею существования марсиан в сознание миллионов читателей.

В России поиски жизни на Марсе возглавил пулковский астро-

ном Г. А. Тихов. В. Я. Брюсов в одном из лучших своих стихотворений («При электричестве», 1911) с надеждой вопрошал: «Марс!. Давний, старый друг!.. Наш брат!.. Двойник наш алый!.. Ужели мы вовек разлучены!..» И отвечал:

Я жду, что наконец увижу шар блестящий,
Как точка малая затерянный в огнях,
Путем намеченным к чужой земле летящий,
Чтоб братство воссоздать в разрозненных мирах.

Мировую известность приобрели роман классика немецкой фантастики К. Лассвица «На двух планетах» (1897) и знаменитая «Война миров» Уэллса (1898). Но никакого братства в фантазиях романистов не было — агрессивные марсиане терроризировали отставших в техническом развитии землян.

Конфликтную ситуацию изобразил в своем романе и русский марксист. Марсианский социализм (опять блестящие прогнозы Богданова) несет бремя трудностей высокоиндустриального общества: пределы демографического роста, загрязнение окружающей среды, исчерпание естественных ресурсов. Возможный выход — использование территории и природных богатств соседней Земли. Но как быть с земным человечеством, живущим в мире страстей и собственности, огражденной организованным насилием?

Находится ученый, «математически-деловым тоном» доказывающий, что подозрительные и корыстолюбивые земляне не пойдут на установление добрых отношений с марсианами. Попытка же «немедленного социалистического перевоспитания земного человечества» неосуществима: большинство населения Земли отторгнет социализм, а «даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажен многими годами осадного положения, необходимого террора и военщины, с неизбежным последствием — варварским патриотизмом».

Эти жестокие слова, вложенные в уста отрицательного персонажа и поражающие своей адекватностью реальному опыту «социализма в одной стране», сегодня часто цитируются. Что скрыто за их свинцовой тяжестью? Не присущее ли Богданову чувство трагедийности истории! То же самое чувство, которого явно недостает современным критикам социализма (вроде А. Ципко), побудило японского анархиста Дэндзиру Котоку перевести с русского

языка «Бесов» Достоевского. Не изменяя своим идеалам, Богданов и Котоку предупреждали о склонности социализма и революционного движения к уродливым деформациям.

Уроки «Красной звезды» на этом не кончаются. Математик, предупредивший о том, «сколько узости и варварства принесут социалисты Земли в свое новое общество», приходит к выводу, что ради благополучия социалистического Марса следует пожертвовать полуварварской цивилизацией Земли. Богданов старается показать, что этот бесчеловечный вывод вытекает из логики филистера. Женщина-врач обрушивается на узость подхода «измерять человечество счетом праведников — сознательных социалистов». За эмоциональностью ее выступления стоит логическая аргументация: устранение иной своеобразной культуры создаст невосполнимую пустоту в мировом развитии. Богданов вернется к этой идее в своем главном труде — «Тектологии»: «Гибель племен и народностей, хотя бы весьма отсталых, суживает базис дальнейшего развития человечества в его целом». Насколько бы ни превосходили европейцы колонизуемых аборигенов, «первые не могут качественно заменить вторых в тех оригинальных чертах физиологической организации, технических методов, способов мышления, которые сложились на почве иной природы и иной истории».

Как совместить этот тезис с «монизмом методов», «психической однородностью», «чисто классовой пролетарской поэзией»? Сам Богданов, очевидно, не нашел ответа, и его спор с филистером-математиком был в значительной степени спором с самим собой. Устами своей героини Богданов говорит: достоинство земной культуры — «в возникновении множества различных точек зрения и оттенков в понимании Вселенной», и тут же как бы осекается: философия будет заменена «монизмом науки». Внутренний диалог обрывается на полуслове, хотя Богданов и приводит своих героев к гуманистической идее «союза миров», давшей богатые всходы в советской научной фантастике.

Последний по времени отблеск «Красной звезды» встретился мне на страницах журнала «Аэрокосмическая техника» (1990. — № 4), поместившего перевод статьи американского физика Р. Форварда «Ракетный двигатель на веществе отрицательной массы». Тема статьи — перспективы полета в «любую точку Вселенной»

при помощи гипотетической «минус-материи», обладающей свойством гравитационного отталкивания. Автор убеждает, что «двигательная установка, основанная на использовании тела отрицательной массы, которая обладает совершенно невероятной способностью создавать тягу, не противоречит ньютоновским законам сохранения энергии и импульса».

Перед нами свежий пример научного предвидения Богданова. Ведь его марсиане пришли «к открытию тяготения с другим знаком, т. е. к получению такого типа материи, который отталкивается, а не притягивается землей, солнцем и другими знакомыми нам телами», и тем самым — к решению стоящих перед человечеством задач свободного сообщения между планетами.

Удивительно, что именно эту деталь более всего выделил в «Красной звезде» ее первый читатель — Максим Горький! Познакомившись с рукописью утопии, он писал Луначарскому: «Меня более всего поразила в этой книге догадка о возможности существования материи, которая отталкивается, а не притягивается телами, известными нам... Я сразу схвачен за сердце — ибо все возможно для человека, ибо — все его догадки осуществляются, как ныне... мечта о философском камне. Ведь — так?

А коли единство материи силы — значит, монизм — основной закон Вселенной, значит — гармония!»[4]

К сожалению, идейная связь Горького и Богданова отнюдь не была гармонией. Об этом — в следующем разделе.

КАРЛ МАРКС И ФРИДРИХ... НИЦШЕ, ИЛИ ПОЧЕМУ БОГДАНОВ НЕ БЫЛ «БОГОСТРОИТЕЛЕМ»

Осадком идейных столкновений Богданова с Лениным и меньшевиками стал расхожий миф, будто бы Богданов стоял во главе течения, пытавшегося соединить марксизм с религией. Этот миф подкреплялся принятыми на веру цитатами из Ленина, в пылу полемики излишне «обобщавшего»: организованная Богдановым вместе с Горьким и Луначарским политико-просветительская школа для рабочих на о. Капри — «литераторский центр богостроительства», группа «Вперед» — «фракция сторонников отзовизма и богостроительства» и т. д.

Биографы Горького и Луначарского десятилетиями искусственно отделяли имена «пролетарского писателя» и «ленинского наркома» от имени многажды оболганного «ревизиониста» Богданова. В последние же годы Богданова решили оболгать уже искусственным связыванием его имени с именами «ниспровергаемых» Луначарского и Горького. Не гнушаясь ложью, ниспровергатели «соцреализма» объявили причиной «подмены марксизма и ленинизма тем, что называется сталинизмом», «махизм», волюнтаризм и «богостроительство» леваков-богдановцев, вдохновлявшихся якобы «больше Ницше, чем Марксом».

«Мы знаем слишком мало и дурно учимся, поэтому и должны мы лгать», — писал Ф. Ницше [1], словно имея в виду нынешних философастеров («философских болтунов»), портящих бумагу по методу, названному некогда В. В. Воровским «характерным плехановским гаерством: не возьму аргументом — совру аргумент, не удастся соврать — сострю, не удастся сострить — пущу инсинуацию» [2] Не раз уже было, что авторы «смелых» публикаций в советских журналах оказывались вульгарными эпигонами советологов, а гуманитарии с учеными степенями — эпигонами невежественных журналистов. Западной историографией наработан немалый материал на тему «богостроительства» и «ницшеанского марксизма» внутри РСДРП(б). Так, в изданной в США книге «Ницше в России» (1986) горьковед М.-Л. Лоу писала, что Горький в начале своей писательской деятельности подпал под влияние ницшевского «Заратустры», а в 1908 г. присоединился и Богданову и Луначарскому в попытке организации школы для русских рабочих «в целях создания нового человекобога». В том же 1986 г и тоже в США Р Уильямс в книге «Другие большевики. Ленин и его критики. 1904—1914» предложил трактовку истории большевизма и предпосылок сталинизма как взаимосвязи двух систем идей — ленинской «якобинской традиции», основанной на конспирации, организационной иерархии, авангардной партии и индивидуальном лидерстве — и «мифотворческого синдикализма других большевиков», т. е. Богданова, Горького и Луначарского, смотревших на идеологию как на социально-мобилизующий миф.

Поясним, что синдикализм — течение в рабочем движении, связанное с именем француза Ж. Сореля, считавшего профсоюзы

(синдикаты) единственными носителями социалистических идей, а революцию — стихийным иррациональным порывом народа, увлекаемого революционными «социальными мифами» Концепция Уильямса основана на присутствии идеи «социального мифа» в книге А. В. Луначарского «Религия и социализм».

Британский историк Дж. Биггарт, назвавший сочинение Уильямса «отражением антикоммунизма рейгановских лет», резонно увидел порочность концепции в приписывании Богданову взглядов Луначарского и Горького. Подобное отождествление лежит и в основе политико-спекулятивных схем в советской литературе. Между тем близость Богданова с Горьким и Луначарским не порождала и не могла породить синхронизации идейных исканий всех трех. Богостроительские и ницшеанские мыслеповороты Горького и Луначарского не вытекали ни из философской системы, ни из политической линии Богданова. «Богостроительство» не имело за собой ни какой-либо группы, ни осознанной программы — скорее это было испарение художественной фантазии, не способной согласовать порыв к социализму с методичностью научного поиска по примеру Богданова.

Мы подошли к интереснейшей теме, имеющей глубокие интеллектуальные пласты и прямое отношение к одной из самых увлекательных проблем современной науки — социально-психологического и культурно-исторического значения межполушарной асимметрии человеческого мозга.

Современная наука о мозге установила, что роль двух его полушарий различна. В левом сосредоточены интеллектуальные функции логики и анализа, правое ответственно за эмоциональную, художественную деятельность. Доминирование того или иного полушария приводит к глубоким различиям в мировосприятии, особенностях творчества, жизненном поведении.

Учение о функциональной асимметрии головного мозга по-новому высветило не только возможности психологии творчества, но и проблему диалога культур Запада и Востока и вообще культурной интеграции [3].

Советский математик-логик С. Ю. Маслов (1939—1982) получил интересные результаты, исследуя «левополушарный» и «правополушарный» механизмы мышления при помощи теории информации и

применяя свой анализ к эволюции архитектурных школ Маслов выделил такие особенности «левополушарного» механизма, как рациональность, склонность к детальной разработке однажды составленной модели реальности («организация поиска вывода в фиксированном исчислении»); ориентация на поиск средств деятельности (у Богданова: наука — **инструмент**); стремление к строгости и «классичности», проверяемости и воспроизводимости результатов; понимание красоты как высокой целесообразности (Богданов: «красота — это организованность»). А для «правополушарного» типа мышления характерны невозможность полноценного контроля за его работой, субъективность, право на ошибку, наличие **блока мифотворчества**, интерес к целям деятельности, склонность к причудливости и гротеску, преувеличенный декор и претенциозность [4].

Можно с уверенностью сказать, что А. А. Богданов — ярко выраженный пример «левополушарного» типа мышления, а многие особенности «правополушарного» типа проявились в деятельности А. М. Горького и А. В. Луначарского. И эмпириомонизм, «социализм науки» Богданова — это одно, а «богостроительство» Горького и Луначарского — нечто другое.

Именно «нечто». Потому что правое полушарие получает импульсы из сферы подсознательного, часто выбирая «стратегию двоичного поиска» — «и с ненавистью, и с любовью» — у Блока в «Скифах»; «религия без бога» — у Горького и Луначарского.

Основное отличие между двумя типами мышления и постижения мира — не в характере используемого материала (в нашем случае — идеал социализма), а в «принципах организации контекстуальной связи» [5]. «Левополушарное» вербально-знаковое мышление необходимо для успешного социального взаимодействия, однозначного взаимопонимания между членами общества, анализа причинно-следственных отношений между предметами и явлениями. (Богданов: идеал полного взаимопонимания между людьми, социально-генетический метод объяснения духовной культуры). Но, обеспечивая построение внутренне непротиворечивой модели мира, этот способ мышления неизбежно обедняет субъективную картину, выбирая лишь некоторые из всех возможных связей между предметами и явлениями (Богданов: «У человечества нет иной дея-

тельности, кроме организационной»). «Правополушарное» образное восприятие мира многозначно и необходимо для наиболее полного чувственного контакта с реальностью (Горький и Луначарский!), но оно лишь в ограниченных пределах может быть использовано в процессе социального взаимодействия и не обеспечивает анализа причинно-следственных связей.

Луначарский, написав восторженную рецензию на «Красную звезду», нашел тем не менее, что утопии Богданова недостает «страсти и красок» и от «кристальной атмосферы разумности веет холодком». Не был вполне удовлетворен «умной вещью» Богданова и Горький, найдя картину социалистического общества в романе «сложной, но одноцветной». «Богостроительство»—не следствие философии эмпириокритицизма, не «формула движения, в котором вождь говорит ложь, поскольку массы не в состоянии усвоить истину» (как утверждал Ю. Мартов), а неудачная попытка Горького и Луначарского (и только их!) придать большую эмоциональную силу и выразительность идеалу социализма.

Богданов (так же как В. А. Базаров и другие российские социал-демократы, считавшие Э. Маха виднейшим «философом естествознания» своего времени) не имеет к этой попытке никакого отношения. Для него религия, нераздельная с идеей Бога, всегда отражение авторитарного строя жизни (именно с этим и не был согласен Луначарский!). Социалистический идеал не нуждается в ней, так как целиком лежит в границах науки. Но как систематизатор всего организационного опыта, накопленного человечеством, Богданов признает священные книги (Библию, индусские Веды), так же как и эпос всех народов, своеобразными донаучными энциклопедиями и потому ценным культурным наследием. Заметим, что буддизм и веданту Богданов ставил выше христианства.

А вот Горький и Луначарский отделяли идею Бога, разложение которой «обеспечено и в народной, и в интеллигентной среде», от религиозного чувства — радостного сознания гармоничности уз, связывающих человека со Вселенной и с другими людьми. Осуждая Моисея, Христа, Магомета и других «фанатиков идеи подчинения человека высшим силам», Горький подчеркивал, что «во всех религиозных системах человек является в роли какого-то материала, над которым экспериментирует божество», тогда как со-

циализм разрешает «религиозную проблему», создавая (благодаря богдановскому «монизму опыта») свободное единение гармонично развитых людей, равных по своему положению[6].

Богданова однажды сравнили с пахарем, упрямо ведущим в одном направлении свою борозду, не глядя ни вправо, ни влево. «Когда Богданов приходил к какому-нибудь выводу, — писал Луначарский, — он ложился в его сознании как прекрасно отесанный тяжелый камень, который никто не может и не должен поднять с места».

Сам Луначарский, прозванный Легкомысленным в официальных большевистских кругах, был иным: «Художественный образ нередко отвлекал его прочь от развития основной мысли. Но и как политик, он легко оглядывался направо и налево. Луначарский был слишком восприимчив ко всем и всяким философским и политическим новинкам, чтобы не увлекаться и не играть ими»[7]. Еще на гимназической скамье он начал «играть» с марксизмом, пытаясь создать «эмульсию» из Спенсера и Маркса. Спенсера в качестве компонента «эмульсии» сменили Авенариус и Ницше, «определению места социализма среди других религиозных систем» способствовало увлечение Л. Фейербахом, И. Дицгеном, Г. Геффдингом, историей религий, поэзией. Бытует мнение, что «богостроители» превращением марксизма в религию хотели сделать его более доступным для распространения в отсталых массах. Увы — не только рабочий или крестьянин, но и современный интеллигент запутается на первых же страницах книги Луначарского «Религия и социализм» среди обилия имен и определений. А сам автор подчеркивает, что открытие им «идеальных сокровищ в марксизме» важно для привлечения широких симпатий к знамени пролетариата среди «передовых» людей![8]

Для Богданова марксизм — основа «всенаучного монизма метода». Для Луначарского марксизм связан с «исконным, с детских лет проявившимся интересом к религиозным и художественным воплощениям сердечной жизни человека». Богданов сравнивает Коперника и Маркса как двух величайших преобразователей науки, Луначарский восхищается Джордано Бруно как «поэтом и религиозным учителем астрономии», постигшим учение Коперника не только разумом, но и всем чувством, воодушевлением героичес-

кого экстаза. Для Богданова Маркс — «новый тип ученого», для Луначарского — «величайший пророк мира».

Итак, ясно, что марксизм-религия — не политический лозунг, не вывод из философии Богданова, а плод художественного легкомыслия Луначарского. Плод, надо признать, не лишенный отравы, — опыт XX века показывает, куда может привести заигрывание с идеями вроде «социального мифа».

«Ницшеанский марксизм» — плод того же сорта. Сегодня с имени Ницше в нашей стране снят запрет, и можно спокойно разбираться в его огромном влиянии на русскую культуру: от философов «серебряного века» до писателя В. В. Вересаева и художника-космиста П. А. Фатеева, лидера легендарной группы «Амаравелла». Редактор «свежего» двухтомника Ницше К. А. Свасьян призывает «раз и навсегда избавиться от вульгарного псевдо-Ницше как интеллектуального комикса». Нельзя смотреть на Ницше только сквозь призму фашистской свастики.

В России влияние Ницше, вдохновенно первого полемического периода марксизма и призыв Горького к свободе стали метой переломного времени 1890-х годов. Луначарский еще до знакомства с Горьким, в 1903 г., увидел «между Марксом, Горьким и Ницше нечто общее, и это-то общее есть знамение нашего времени» — «борьба угнетенного класса за права свои, за жизнь, достойную человека» (Маркс), «гордый вызов обществу и его устоям, подчеркивание прав личности на совершенствование и радость жизни» (Ницше), «ту же требовательность от жизни, тот же протестующий дух мы видим у Горького»[9]. Общеизвестно, что Ницше — ярчайший поэтофилософ, и не удивительно, что его художественному дару отдали дань восторга Горький и Луначарский.

А Богданов? Не является ли его концептуальная статья «Собирание человека» перепевом «нового человека» Ницше? Можно вспомнить, конечно, что и в России, и в социалистической традиции «новый человек» был ходячим сюжетом, и еще в век Екатерины II ее приближенный, просвещенный филантроп И. И. Бецкой основал Смольный институт благородных девиц для выведения новой породы людей. Однако ключевая для Богданова философская мысль (горячо подхваченная Горьким) о возникновении в машинном производстве «нового психического типа, совмещающего ор-

ганизаторскую и исполнительскую точку зрения в одной непосредственно-цельной деятельности» и идущего к трудовому универсализму, опиралась на конкретные выводы капитального исследования немецкого экономиста Г. Шульце-Геверница «Крупное производство» (переведено в 1897 г. на русский язык Л. Б. Красиным): «Появился новый тип человека: рожденный и воспитанный для машины фабричный работник». Машина «требует от работника всевозрастающего духовного напряжения и понимания воплощенной в ней технической идеи. Управляющий ею работник должен быть сыном века естествознания». Произошел «психологический метаморфоз рабочего. Его потребности распространяются теперь на все завоевания культуры». «Рабочий поднимается на высоту умственного труда».

Итак, новый человек-работник Богданова — даже не «однофамилец» нового сверхчеловека Ницше. Едва ли кто был бо́льшим чем Богданов, антагонистом ницшевского императива «для грубого, трудолюбивого поколения машинистов и мотостроителей будущего, назначение которых — исполнять только черную работу» [10]. «Пафос дистанции», прославляемый Ницше, отвергался и Луначарским как «отвратительнейшая из пережитых человеком социально-психических болезней».

Статья «Собирание человека» была опубликована в своеобразном полумарксистском журнале «Правда», редактором философского отдела которого был Богданов. В этом отделе появилась и статья Т. Гейликмана «Теория познания Ницше» (Правда. — 1905. — № 6). Автор указывал, что Ницше фальсифицирует познание метафизической окраской — волей к власти, и «совершенствование не выступает у Ницше как монистическая проблема гармонизации интересов, но как постоянная дисгармония «властвующих» и «подчиняющихся». Под этим выводом мог подписаться и сам Богданов, для которого познавательный монизм был путем к устранению жесткого разделения на повелителей и подчиненных.

Каков же итог? Мальчика-то и не было. «Религиозный» и «ницшеанский» марксизм «богдановской группы» — интеллектуальный комикс, герой которого — состряпанный фальсификаторами вульгарный псевдо-Богданов. Продолжим теперь знакомство с действительным Богдановым.

СОЦИАЛИЗМ КАК ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ЗАДАЧА

1909—1913 годы были переломными для Богданова. Они принесли немало разочарований. За разрывом с Лениным последовал разрыв с Горьким, спровоцированный склочностью жены писателя — М. Ф. Андреевой. Явно не оправдала себя ставка на заграничные школы как центры подготовки образованных партработников. Сверх того, овладевшая Богдановым идея «социализма в настоящем» — идея недостаточности одной лишь «войны с капитализмом» и необходимости параллельного собирания элементов «пролетарской культуры» — была отвергнута большинством группы «Вперед». В 1911 г. Богданов порывает с группой и остается одиночкой.

Однако пульс его мысли не ослабевает. Он пишет книги «Падение великого фетишизма», «Культурные задачи нашего времени». За 1912—1913 гг. Богдановым написаны оригинальные работы по эволюции мировоззрений и типов культур — «Философия живого опыта» и «Наука об общественном сознании», фантастический роман «Инженер Мэнни» и 1-й том главного труда — «Всеобщей организационной науки». Этот каскад увенчивается брошюрой «Памяти великого учителя» (1914) — итогом переосмысления марксизма и пути к социализму.

Богданов сравнивает Маркса с Коперником. Астроном объяснил жизнь неба, «посмотрев» на него не с Земли, а с Солнца. Маркс революционизировал науку об обществе, посмотрев на его жизнь с точки зрения тех, кто производит, — рабочего класса.

Метафора Богданова наполнится новым смыслом, если обратиться к интеллектуальной концепции истории науки, разработанной русско-французским философом А. Койре[1]. Открытие Коперника повлекло за собой научную революцию XVII в. До нее Вселенная представлялась конечной и жестко разделенной на два противостоящих друг другу мира — «низший», земной, и «высший», небесный. Научная революция развенчала этот замкнутый, иерархически упорядоченный Космос Аристотеля и средних веков и заменила его бесконечной Вселенной, связанной в единое целое благодаря идентичности своих элементов и единообразию своих законов. Галилей, Декарт и другие основатели новой науки не

просто исправили ошибки прежних теорий — они реформировали структуры самого Разума, представили Бытие новым способом, предложили новое понятие познания, новое понятие науки и особый язык, на котором человек формулирует свои вопросы природе, — язык математики и эксперимента.

Трудовая концепция культуры Богданова также посягала на иерархический космос — социальный, жестко разграниченный на грубый мир непосредственного производства и горние сферы духовного творчества, возвышенный мир культуры досужих классов. Неограниченные возможности ассоциации соработников, равноправных и социально однородных в своей всесторонности, — таким виделся новый Космос. Если классическая наука, прилагая к природе категории мышления homo faber — «человека искусного», ставила своей целью сделать его хозяином и господином природы, то социализм Маркса — Богданова, прилагая к обществу категории экспериментального естествознания, ставил задачей превращение человека в господина истории, сознательного творца социальных связей.

Богданов новым способом представил бытие — как поле развертывания трудовых активностей, предложил новое понятие познания — «социально-генетическое» и особый язык — язык «пролетарской», организационной науки.

Понятием «организация» Богданов обозначил универсальный мировой процесс, охватывающий мертвую и живую природу, производство, социальное взаимодействие, творчество. Исследовав «организационно-культурный параллелизм» — многочисленные аналогии между стихийным творчеством природы и сознательной деятельностью человека, Богданов открыл «повторяемость организационных типов на разных ступенях бытия». В этой повторяемости — ключ к «монизму методов труда и познания», к выработке общих способов исследования, позволяющих быстро овладевать различными специальностями.

Природа — «первый великий организатор»[2], и человек ее ученик. Но, овладев «мировыми организационными формами», он может избежать расточительности «великой наставницы», подчинить себе стихийные силы — природные и социальные.

Все сферы жизнедеятельности человечества можно описать

законами организации: в технике оно организует вещество природы, в экономике — самоорганизуется, в идеологии организует свой опыт. Но общество дезорганизовано, а идеология окутана фетишизмом вследствие разрыва трудовой природы человека по двум линиям — авторитарной (властное принуждение одних другими, исполнителей — организаторами, собственниками) и индивидуалистической (конкуренция, «война всех против всех», филистерство специальности). Единственный класс, способный к совмещению организаторской и исполнительской функций, к расширению своего поля зрения за узкоцеховые рамки и ко всеорганизационной постановке задач, — индустриальный пролетариат. Он органически связан с машинным производством, давшим импульс «великой культурной революции» — трудовому монизму методов. Организационный принцип пролетариата — товарищеское сотрудничество. Для сознания, сложившегося в товарищеской среде, станут привычными не авторитарно-индивидуалистические фетиши, а представления о самоорганизации системы[3]. Образ «класса-всеорганизатора» стал точкой опоры для «утопии разумных человеческих отношений».

Восполнить недостаток готовности пролетариата к выполнению «мировой организационной задачи социализма» должна идеологическая революция в самом пролетариате, предшествующая революции социальной. Смысл идеологической революции — в формировании у пролетариата «целостного организационного мышления», а форма осуществления — программа пролетарской культуры. Она слагается из 3 частей: монистическая интеграция знаний в Рабочей энциклопедии; овладение знаниями в Пролетарском университете, построенном на принципах товарищеского сотрудничества преподавателей и учащихся; развитие пролетарского искусства, проникнутого духом коллективизма.

Прообразами Пролетарского университета Богданов считал свой тульский рабочий кружок и школу на Капри. Пролетарская поэзия уже имела богатую историю. Не переоценивая художественных достоинств рабочей поэзии, Богданов выделял в ней новый мотив — товарищество, поддержка слабого в общем труде и в общей борьбе. Что касается Рабочей энциклопедии, ее матрицей должна была стать «Всеобщая организационная наука». «Исследо-

вание фактов жизни и природы с организационной точки зрения означает особый, новый способ мышления»[4]. «Программа культуры означает прямую подготовку, в условиях старого строя, класса-организатора, творца нового строя. Это необходимая динамика решения мировой задачи.

Та самоорганизация рабочего класса, которая совершается пока еще стихийно, ощупью отыскивая свои формы и методы в его объединениях, профессиональных, политических, кооперативных, просветительных, составляет естественную основу культурной программы». «Надо понять. Социализм не есть дело выигранной битвы или настроения, порыва, массового устремления воли... Социализм — дело метода... Чтобы победить общественную стихийность, рабочий класс должен преодолеть стихийность собственного развития. Он не может дать миру того, чего сам не имеет»[5].

Так Богданов резюмировал свою программу культуры и свое понимание социализма как «мировой организационной задачи» в книге «Вопросы социализма», писавшейся в течение 1917 г.

К этому времени Богданов закончил 2-й том «Тектологии». Годы, прошедшие со времени выхода 1-го тома, придали новый оттенок социальному пафосу организационной науки: «Мировая война поставила ясно дилемму — преодоление анархии социальных сил и интересов или распад цивилизации»[6]. В 1914 г. Богданов, мобилизованный в русскую армию как военврач, участвовал в трагическом походе армии генерала Самсонова. Полковой врач показал себя человеком не робкого десятка и был даже представлен к ордену за то, что увел санитарный обоз из-под обстрела. Но картина массового истребления и разрушения с крупномасштабным применением науки настолько потрясла Богданова, что он заболел экземой и вынужден был лечиться в клинике неврозов. (Об этом прослышал его идейный антипод Н. Бердяев и позднее с сарказмом написал, что Богданов «сидел в психиатрической лечебнице».) Еще в 1912 г. в романе «Инженер Мэнни», остро поставившем проблему катастрофических последствий авторитарного владения наукой, Богданов предупредил, что открытия в области строения материи могут быть использованы милитаризмом враждебных друг другу наций для создания истребительных орудий, способных в несколько месяцев опустошить всю планету. А в «Во-

просах социализма» (напомним: 1917 г.!) Богданов подчеркнет, что овладение внутриатомной энергией «должно дать в руки людям такие гигантские и грозные силы, которые необходимо требуют контроля общечеловеческого коллектива, иначе они могут оказаться гибельны для всей жизни на Земле»

Предотвратить использование науки во вред человечеству можно лишь ее социализацией, устранением монополии высших классов на научно-техническое знание. Другого выхода Богданов не видел.

Одним из ключевых принципов тектологии является «закон наименьших» — устойчивость системы определяется устойчивостью ее наиболее слабого звена. Критики-фальсификаторы истолковывали этот принцип как призыв к «равнению на отсталость» Но послушаем Богданова. Анализируя уроки мировой войны, он спрашивает: почему многомиллионные массы людей, принадлежащих к культурным нациям и передовым классам, под одобрение высшей интеллигенции бросались с озверением друг на друга, как троглодиты? И отвечает: новейшее общество весьма разнородно по своему составу, причем низшие по развитию социальности слои разных стран мало отличаются друг от друга. Когда социальное потрясение дает им возможность объединиться, низших комплексов культурной системы достаточно, чтобы произвести жестокий погром. Более того, взятый в отдельности современный культурный человек также не есть однородное целое. Его психика заключает в себе градацию наслоений — от звериных инстинктов пещерного предка до чистого социального идеализма в разных формах. И если внешнее воздействие достаточной силы, направленное на низшие комплексы психомоторной системы, преодолеет их инерцию и выведет из равновесия, два человека могут проявить себя одинаковыми стихийными разрушителями, «хотя в психике одного низшая группа реакций образует, быть может, одну десятую, а другого — девять десятых».

«Закон наименее благоприятных условий сурово властвует над человечеством, пока оно не овладеет им. Здесь для тектологии возникает вопрос — как овладеть им в культурной сфере, чтобы не получалось такого равнения по низшему, которое подчиняет человечество пережиткам дикости»[7]. Эти мысли Богданова были

развиты в романе «Час Быка» И. А. Ефремовым, сформулировавшим задачу высвобождения общества из-под власти «инферно» — «плена первобытных инстинктов, в котором человек держит сам себя».

В тектологии Богданов предлагает принципиальную схему механизма разрешения противоречий в любой системе. Он приходит к выводу, что социализм, «коллективистическое общество» — «высокодифференцированная система, между различными частями и сторонами которой должны возникать все новые и новые расхождения». Дифференциация — показатель богатства внутренних связей системы, ее развития вследствие системного расхождения. Но устойчивость и целостность системы требуют взаимодополнения ее элементов, гармонизации их взаимодействия. Это достигается за счет особых связей — «дополнительных соотношений». Но помимо тенденции развития, направленной к дополнительным связям, системное расхождение заключает в себе и другую тенденцию — накопление системных противоречий. Любая система развивается прогрессивно до известного предела, когда дезорганизующий момент — следствие накопившихся системных противоречий — перевешивает силу «дополнительных связей» и ведет к их разрыву, делая невозможным сохранение организационной формы целого. Результатом должно явиться либо структурное преобразование системы, либо распад.

Нахождение адекватных форм разрешения противоречий Богданов обозначает как контрдифференциацию, основанную на поиске «оптимума расхождения» — уровня развития противоречий, при котором система функционирует наиболее эффективно. Рост разнообразия, не уравновешенный контрдифференциацией, ведет к дезорганизованности. Каждой системе присуще противоречие между разнообразием и способностью к организации этого разнообразия.

Предвосхищая кибернетический принцип «обратной связи», Богданов ввел понятие «бирегулятора» — системы двойного внутреннего регулирования. Любая общественная система нуждается в бирегуляции — взаимном контроле лиц и учреждений.

Подход к социализму как к «мировой организационной задаче» Богданов противопоставил рожденному мировой войной «ми-

ражу «военного коммунизма» — представлению, что опыт военно-государственного регулирования экономики в 1914—1917 гг. (гл. обр., в Германии) создал организационные предпосылки социализма. В действительности госкапитализм военного времени не переходная форма к социализму, «а постепенное распространение потребительного коммунизма с армии на остальное общество», организационный регресс, движущая сила которого — прогрессирующее разрушение общественного хозяйства.

Увлеченный утопией мировой революции большевизм, считал Богданов, поддался миражу «военного коммунизма» и усвоил «логику казармы», понимающую всякую задачу как вопрос ударной силы, а не как вопрос организационного опыта и труда. В письме своему другу Луначарскому 19 ноября 1917 г., в ответ на предложение занять «любой пост» в Наркомате просвещения, Богданов дал нелицеприятный анализ политики большевиков, провозгласивших социалистическую, а на деле проводивших военно-коммунистическую революцию. (Письмо впервые опубликовано в 1990 г.). Печатно свой анализ «военного коммунизма» и большевизма как партии, склонной не к организационно-деловой, а к солдатской точке зрения, Богданов изложил в январе 1918 г., резюмировав: «Штык не орудие творчества, и широта размаха не делает его таковым» (статья «Судьбы рабочей партии в нынешней революции» в газете «Новая жизнь»).

Интересно, что и позицию редакции «Новой жизни» Богданов считал «псевдонаучным максимализмом», маниловской надеждой на социалистическую революцию в Европе. Наивно ждать помощи от рабочих Европы, считал Богданов, — они и их социал-демократические вожди провалились на экзамене мировой войны, заблудившись в «кровавом тумане патриотизма». (Слово «патриотизм» в те годы было синонимом поддержки империалистических войн своей державы. Организатор Общества славянского научного единения академик В. М. Бехтерев писал, что «патриотические лозунги были узурпированы царскими прихвостнями, придворными лакеями и гнусными их приспешниками», тогда как из народа всякий патриотизм «был вытравлен полным отстранением от дел государственно-общественной жизни». Понятие патриотизма олицетворялось в поддержке ненавистной монархии, войны и буржуазии, что

способствовало успеху «демагогов интернационалистического склада» — большевиков.) Программа пролетарской культуры, по мысли Богданова, должна была восполнить неготовность рабочего класса как России, так и Запада к осуществлению социализма.

Подытоживая сказанное выше, попробуем соотнести марксизм, «богдановизм» и большевизм. Заслуга Маркса в том, что «идею пролетариата он сделал могучим орудием организации»[8] Но на первый план Маркс выдвигал революционно-разрушительную ипостась пролетариата — ниспровергателя старого общества. Богданов смещает акцент на революционно-созидательные, «строительные» задачи рабочего класса и видит в нем воплощение объединительной тенденции человечества. Этот вывод не находит поддержки. В 1914 г. Л. Каменев писал с укоризной, что в системе взглядов Богданова «идея общности всех людей превалирует над идеей классовой и групповой борьбы». В 1918 г. Н. Бухарин обругал «Вопросы социализма» за «оппортунистическое культурничество». Выдвинутая Богдановым в 20-е годы программа «Культинтерна» шла вразрез как с установкой Троцкого на перманентную революцию, так и с курсом на «социализм в одной стране». Организационная наука о строительстве социализма так и осталась невостребованной.

ПРОЛЕТАРСКАЯ КУЛЬТУРА И НОВЫЙ ТИП РАБОТНИКА

Один из мыслителей, оказавших наибольшее влияние на Богданова, знаменитый филолог-востоковед XIX в. Макс Мюллер объяснял происхождение мифов «болезнью языка»: первобытные люди обозначали окружающий мир и свое отношение к нему посредством метафорических эпитетов, а когда первоначальный смысл метафор оказывался забыт или затемнен, возникали мифы. Результатом подобной «болезни языка» — затемнения смысла идеи пролетарской культуры — является бытующий в нашем общественном мнении миф о «богдановско-пролеткультовском нигилизме». Болезнь стала настолько хронической, что в «перестроечном» сборнике «Историки отвечают на вопросы» (М., 1988) на вопрос: «Каков вклад Пролеткульта в строительство социалистической культуры?» — следует штампованный ответ о вреде Пролеткульта, а о

вкладе не говорится ни слова. Подлинная история пролеткультовского движения, отразившего краски и коллизии революционных лет, заменена уныло-предвзятыми схемами недобросовестных историков, философов и искусствоведов. Можно до бесконечности цитировать фразы (в том числе из будущих «работ») о призывах руководства Пролеткульта, «и в частности» А. Богданова, к полному отрыву от культурного прошлого, от партии и государства, небрежении к накопленным массивам научного знания и т. п. Историографический «Пролеткульт» закрывает густой пеленой исторический Пролеткульт. Чтобы немного познакомиться с последним, обратимся к протоколам первой Всероссийской конференции пролеткультов.

15 сентября 1918 г. ее делегаты приняли резолюцию, один из пунктов которой гласил: «Пролетариат должен постичь все достижения предыдущей культуры, усвоить из нее все то, что носит на себе печать общечеловеческого».

Лишь один делегат не согласился с этой формулировкой и призвал отбросить целиком буржуазную культуру, как старый хлам. Но ему веско возразил член ЦК Пролеткульта Ф. Калинин: «Оратор выразил анархистски-интеллигентскую точку зрения (возгласы: правильно). Без знакомства с прошлой культурой мы не сможем сделать ни шагу... Надо понять прошлое, для того чтобы идти вперед».

А. А. Богданов, выступая на конференции с докладом «Пролетариат и искусство», передал делегатам снимок с наскальных изображений Альтамирской пещеры в Испании, проиллюстрировав «могучей выразительностью» рисунков первобытных художников ключевую мысль: «Товарищи, надо понять, мы живем не только в коллективе настоящего, мы живем в сотрудничестве поколений... Все работники, все передовые борцы прошлого — наши товарищи, к каким бы классам они ни принадлежали».

В преддверии конференции Богданов опубликовал статью «О художественном наследстве», где подчеркнул значение примера К. Маркса в «духовном овладении старого мира». Эту мысль на конференции повторил председатель Петроградского Пролеткульта, рабочий-металлист и поэт Алексей Маширов-Самобытник: «Маркс... рассмотрел научный опыт критически, отобрал все то,

что способствовало процветанию человеческого общества, расположил в систему и показал, как предыдущим опытом можно пользоваться при постройке новой идеальной организации. Нам надо идти по пути Маркса.»

В органе Петроградского Пролеткульта — журнале «Грядущее» (1918. — № 8) — статья А. Погрузова «У врат неведомого храма науки» призывала рабочих: «Идите скорей за научной книжкой». По мнению автора, пролетарии должны знать, зачем приходили к людям Будда, Конфуций, Зороастр, Иисус, какие завесы открыли перед умами человечества Ньютон, Лаплас, Гегель, Дарвин. В чем заключается переворот в понятиях о строении Вселенной, совершенный Коперником, и что это за чудесный принцип относительности, придуманный Эйнштейном? В органе Московского Пролеткульта — журнале «Горн» — Н. Стрельцов призывал не жалеть средств на то, чтобы народ знал своих классиков (1919. — № 4).

А вот свидетельство Андрея Белого — преподавателя стиховедения в студиях Пролеткульта: «Поэты из пролетариев упорно, скромно, трудолюбиво изучали лиру Пушкина, Тютчева, Гоголя, благоговейно приемля дары вечной культуры искусств».

А редактор журнала «Новая русская книга» (в Берлине) профессор А. Ященко писал о стихах поэтов Пролеткульта (в особенности М. Герасимова): «В этих пролетарских гимнах Октябрьской революции отсутствует жажда крови и чувство мести, и очень мало даже классовой ненависти... В них чувствуется искренняя и громадная жажда света и знания... здоровой счастливой и трудовой жизни; могучий ритм фабричного и заводского труда» [1] Ященко, однако, прошел мимо печально известных строк В. Кириллова, выдаваемых по сей день за «лозунг Пролеткульта»: «Во имя нашего завтра сожжем Рафаэля, разрушим музеи, растопчем искусства цветы». Их не вычеркнешь из истории. Но нельзя умолчать о том, что А. А. Богданов незамедлительно осудил этот «грубо-солдатский, гинденбурговский образ». Что М. Герасимов ответил своему другу-поэту стихами о преемственности пролетариата с учением Христа о любви и с именитыми и безымянными творцами памятников мировой культуры. И что в журнале «Грядущее» (1918. — № 2) рядом со стихами Кириллова была статья А. Голубя о возможности наметить вехи будущего искусства только при внима-

тельном изучении громадного наследства Ренессанса и других творений прошлого.

Что касается призыва «Сбросим Пушкина, Достоевского, Толстого с корабля современности», то он исходил не от идеологов Пролеткульта, а от футуристов, эпатаж которых видные пролеткультовцы (например, Ф. Калинин) резко критиковали. Соприкосновение пролеткультовского движения (мозаичного по картине художественных исканий) с футуризмом не дает оснований для отождествления их лозунгов.

В программном стихотворении «За нами!» (1919) А. Маширов писал о далях «мировой пролетарской культуры»:

Там пламенный труд палачами не вздыбен,
Там гордого духа основы,
Над каждым станком возродится Куликин,
В полях отзовутся Кольцовы...

Тогда же М. Герасимов написал стихотворение «Мини»:

Победно грани рабства минем,
Смелей рубиновый стяг развей,
Пусть каждый будет словно Минин
Советской Родины своей!

Показательно, что в разработанной А. Богдановым программе Пролетарского университета наибольшее число часов отводилось двум предметам — математике и русской истории. А первый председатель Пролеткульта и главный автор журнала «Пролетарская культура» П. И. Лебедев-Полянский (он считал, что, поощряя самодеятельное творчество рабочих, независимый Пролеткульт не должен стремиться захватить в свои руки большие культурные учреждения) одновременно руководил комиссией Наркомпроса по изданию русских классиков и трудов В. О. Ключевского.

Лишены оснований предъявляемые Пролеткульту упреки в сепаратизме и «лабораторном» обособлении от социалистического строительства. За исключением Богданова, все руководители Пролеткульта были большевиками. Да, Пролеткульт настаивал, что «пролетарская культура должна развиваться вне всякого декретирования». Но при этом самодеятельно уделял большое внимание участию в государственной пропаганде коммунизма, был тесно связан с Красной Армией. В течение всей гражданской войны дейст-

вовали передвижные пролеткультовские «фронтовые студии».

Естественно, что Пролеткульт в своей идеологии отражал противоречия идеологии большевизма. Однако пролеткультовцы были далеки от «фанатиков с красной звездочкой во лбу». А Маширов в 1918 г. критиковал М. Горького за «Несвоевременные мысли» и лозунг «Культура выше политики». Но после ареста Н. Гумилева среди подписавших письмо в его защиту был и Маширов как председатель Петроградского Пролеткульта.

Не отличало пролеткультовцев и огульное недоверие к интеллигенции, несмотря на формулу «интеллигент может думать, как рабочий, чувствовать, как рабочий, — не может». В свою очередь, для части демократической интеллигенции пролеткультовская работа была новой формой служения народу. Известный режиссер Александр Мгебров, вместе с женой — актрисой Викторией Чекан — руководивший театром Петроградского Пролеткульта, писал, что благодаря Пролеткульту он перестал чувствовать себя оторванным от масс. А московский Театр Пролеткульта в начале 20-х годов возглавил знаменитый Сергей Эйзенштейн. Американка Линн Мэлли, собравшая в своей книге «Грядущая культура» (1990) уникальный материал о пролеткультовском движении, пишет о многих интеллигентах-пролеткультовцах: музыкантах, художниках, актерах. Среди авторов журнала «Горн» мы встречаем известные в научном мире имена основателя биоритмологии Н. Я. Пэрны, физиолога К. Х. Кекчеева, искусствоведа А. А. Сидорова.

А. А. Богданов вошел в Пролеткульт не сразу и занимал в нем особое положение. Это положение было достаточно двусмысленным. Богданов не отказался от критических оценок «максимализма» Октябрьской революции, не принимал предложений о возвращении в партию. Но он рассматривал себя как лояльного сотрудника Советской власти, а Пролеткульт — как трибуну для распространения всеобщей организационной науки. Пролеткультовские взгляды Богданова в узком смысле слова противоречивы и отмечены вульгарно-социологической прямолинейностью. Например, определяя искусство как «науку жизни в образах», Богданов стал утверждать, что рабочие-поэты не должны использовать «ненаучных» метафор («Тов. Богданов ставит ум выше поэзии», — критически заметил на одном диспуте С. Есенин, ранее подаривший теоретику

Пролеткульта свою книгу «Преображение» с характерной надписью: «А Богданову. Без любви, но с уважением. С ненавистью, но с восхищением. Без приемлемости индустрии. С. Есенин»). Акцент на значении искусства прошлого для углубления и просветления чувств пролетариата соседствовал в статьях Богданова с механическим противопоставлением «чисто классовой пролетарской поэзии», поэзии крестьянской и интеллигентской. Та же механистичность проявилась в формуле о пролетарской поэзии как выражении не индивидуальности художника, а «самосознания коллектива». В целом «пролеткультовство» Богданова-искусствоведа — яркая иллюстрация односторонности его «левополушарного мышления», «стремления к однозначному контексту». А вот «правополушарное мышление» Луначарского, навредившее в истории с «богостроительством», «способствовало созданию блестящих этюдов об искусстве и художественном творчестве.

Однако — и это принципиально важно учитывать, чтобы не исказить историю, — вопросы художественного творчества рабочих были лишь фрагментом социальной стратегии Пролеткульта. Целью же было не создание «интеллигенции от станка», а устранение противоположности между умственным и физическим, творческим и репродуктивным трудом. «Над каждым станком возродится Кулибин...» В ориентации на воспитание нового разностороннего работника-изобретателя сходились и пролеткультовцы, и те из анархистов, кто руководствовался не «страстью к разрушению», а книгой П. А. Кропоткина «Поля, фабрики и мастерские», и последователи философа Федорова Н. Сетницкий и А. Горностаев, и педагоги-политехнисты во главе с Н. К. Крупской и П. П. Блонским. И конечно, энтузиасты быстро набравшего силу движения за «научную организацию труда», многие деятели которого вышли из Пролеткульта.

«Федоровцы» заменили «философию общего дела» своего учителя на установку «НОТ — философия трудящихся масс». Активное участие в движении НОТ приняли А. А. Богданов и В. М. Бехтерев — председатель I Всероссийской конференции по НОТ (1921), на которой ученик Богданова С. Раецкий четко сформулировал задачу преодоления специализации и достижения каждым работником «синтетического типа высшей технической культуры».

Реецкий развил идею «интеграции личности через организаторский тип», через совмещение типов хозяйственника (организатор людей и технологии в производственном процессе) и культурника (организатор людей и идей) при исчезновении в коммунистическом обществе типа администратора.

Богданов в письме экономисту Д. И. Опарину (1919) писал: «Умственный труд выше труда в машинном производстве по степени развития, но ниже по своему типу», а новый целостный тип труда при опоре на широкую интеллектуальную основу должен сохранить непосредственную связь с производством. Примером нового типа работника Богданов считал своего ученика Ф. Калинина: «Рабочий разных технических отраслей, прошедший через столярную мастерскую, ткацкую фабрику, аэропланный завод, партийный, культурный работник... он был в то же время мыслителем и публицистом»[2]. 20-е годы дали немало ярких примеров трудового универсализма, и самый яркий — Андрей Платонов, прошедший через Пролеткульт. Поэт-комсомолец Н. Дементьев учился литературной технике у Пастернака и слесарному делу в ЦИТе.

ЦИТ — Центральный институт труда, основанный Алексеем Гастевым, — «самое дорогое дитя пролетарской революции» — так считали пролеткультовцы. Гастев был самой яркой и противоречивой фигурой в нотовском движении. Он добился огромных практических успехов. В 1924 г. Гастев и еще 6 человек выехали в Прагу на Международную конференцию по НОТ. Ее устроители рассчитывали снисходительно поучить «отсталых совдепов», но вышло так, что конференция превратилась в слушание советских докладов!

Но неуемная фантазия Гастева — «поэта рабочего удара» — выливалась и в фантасмагорические манифесты коллективного «машинизма», давшие Е. Замятину материал для антиутопии «Мы». Бытует мнение, что советский НОТ — это тейлоризм, а Гастев — последователь Богданова. Неверно. Тейлористские призывы Гастева подверглись дружной критике на I конференции по НОТ, а Богданов прямо противопоставил тейлоризм и научную организацию труда. Поучительна полемика Гастева и Богданова в журнале «Пролетарская культура» (1919. — № 9—10).

Гастев. Социально-трудовая динамика пролетариата характе-

ризуется тенденцией и нормализованной психологии целого класса с системами психологических включений, переключений, замыканий. Индивидуальное мышление исчезает. «Мы идем к невиданно объективной демонстрации вещей, механизированных толп и потрясающей открытой грандиозности, не знающей ничего интимного и лирического».

Богданов. Работник — не тейлоровская «живая машина». Коллективизм и индустриализм не исключают, а предполагают «своеобразие личного опыта и способностей, благодаря которому все единицы дополняют друг друга в целом». Психическая однородность достигается благодаря возвышению каждого работника до нового типа, сливающего «технически-артистическое чутье» с универсальной умелостью. В деле планомерной организации на первый план выдвигается инициативно-творческая сторона. Гастевский коллективизм механизированных безличностей, созданный по образу и подобию отсталых масс, втянутых в индустрию ее мобилизацией, ведет к господству слоя ученого инженерства и руководящих авторитетов.

Эти выводы Богданова, так же как и более ранние его размышления (в книге «Падение великого фетишизма») о мелкобуржуазной стороне психики не поднявшегося до классового самосознания пролетария, предвосхитили современные оценки социальной подпорки сталинского режима — авторитарного сознания наскоро «орабоченных» в ходе индустриализации деклассированных элементов и крестьян, мелкобуржуазного рвачества «новых рабочих».

Свой спор с Гастевым Богданов завершил примечательными словами: «Идея пролетарской культуры не исключает ни критики, ни полемики, но и их она делает формой товарищеского сотрудничества». Увы — формы полемики с самим Богдановым оказались иными.

...Широко развернувшемуся пролеткультовскому движению был дан обратный ход письмом ЦК РКП «О пролеткультах», опубликованным «Правдой» 1 декабря 1920 г. Проект письма был составлен Г. Е. Зиновьевым, дополнен В. И. Лениным и Н. К. Крупской. Письмо обличало «нахлынувшие в пролеткульты интеллигентские группочки», футуристов и декадентов, поминало старое «богостроительство» и направляло основной удар против Богданова:

«Под видом «пролетарской культуры» рабочим преподносили буржуазные взгляды в философии (махизм)».

Ленин спешно переиздал «Материализм и эмпириокритицизм», добавив лишь краткое предисловие о том, «что под видом «пролетарской культуры» проводятся А. А. Богдановым буржуазные и реакционные воззрения». При этом Ленин отметил, что «не имел возможности ознакомиться» с последними произведениями Богданова, но сослался на «необходимые указания» в приложенной к книге статье В. И. Невского «Диалектический материализм и философия мертвой реакции». А Невский громил «метафизическую чертовщину» организационной науки с тем же «комазартом», с каким в 1918 г. (журнал «Народное просвещение», № 4—5) в статье «Учебники и революция» призывал исключить из школьных хрестоматий «монархические» поэмы «Полтава» и «Бородино», тургеневскую «Муму», «Детство» Толстого и другие произведения «так называемых «классиков».

Хорошо известны слова Ленина о том, что марксизм отнюдь не отбросил завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в развитии человеческой мысли и культуры; что пролетарская культура должна явиться закономерным развитием запасов знаний, выработанных человечеством. Менее известно, что эти очевидные мысли были лишь повторением программных заявлений Богданова и Пролеткульта. Но администрирование имеет свою логику — «сплошным вздором» назвал Ленин в знаменитой речи на III съезде комсомола «выдумку специалистов по пролетарской культуре».

Президиум Пролеткульта ответил на письмо ЦК «Необходимым объяснением», в котором в примирительном тоне отводил необоснованную критику. Этот документ, хранящийся в ЦГАЛИ, до сих пор не предан гласности. Обругав благодушного Луначарского, Ленин добился директивного подчинения Пролеткульта Наркомпросу [3]. Председатель Пролеткульта Лебедев-Полянский оставил свой пост, а Богданов оказался вовсе «не у дел».

Новым председателем Пролеткульта стал журналист и драматург-графоман В. Плетнев, не игравший до этого заметной роли в организации. Журналист С. Евгенов вспоминал в книге «Жизнь на миру» (1967), что Плетнев был «добродушный здоровяк», жил сре-

ди охотничьих собак и старинных кресел и напоминал «бесшабашного помещика из отставных гусар, а не «глашатая новой пролетарской культуры». Поддержанный Бухариным, Плетнев признал полную зависимость Пролеткульта от партии и отмежевался от идей Богданова, но его собственные идеи были намного вульгарнее и примитивнее. Аляповатая статья Плетнева «На идеологическом фронте» (Правда. — 1922. — 27 сентября) была по поручению Ленина раскритикована завагитпропом ЦК РКП Я. Яковлевым, чья статья, однако, была не лучше плетневской[4]. Громя «никчемность и бессодержательность пролеткультовских формул», Яковлев скорее демонстрировал административное усердие, проявленное им в полной мере 7 лет спустя во время коллективизации.

Осуждение тектологии и Пролеткульта стало сигналом к ожесточенной борьбе с «богдановщиной», которую возглавили Я. Яковлев, секретарь ЦК РКП Ем. Ярославский и руководство журнала «Под знаменем марксизма». Издается специальная книга «Против Богданова» (1923). Итогом печатной травли стал арест Богданова ГПУ осенью 1923 г. Поводом послужило дело группы «Рабочая правда». Эта группа, включавшая чуть более десятка человек, главным образом учащейся молодежи, выпустила воззвание, в котором утверждала, что РКП изменила делу рабочего класса и с введением нэпа выродилась в «правящую партию организаторов и руководителей правительственного аппарата и хозяйственной жизни на капиталистических началах». Фразеология «рабочеправдовцев» была стилизована под терминологию Богданова («авторитарные отношения», «организаторская интеллигенция»), и это дало основание для вывода, что «за спиной «Рабочей правды» стоял давно уже ушедший из партии А. Богданов, известный своими антимарксистскими и антикоммунистическими взглядами»[5]. На следствии Богданов сумел убедить Ф. Э. Дзержинского, что не причастен к «воззванию», и лишь извращение его взглядов в печати сделало возможным приписать ему «наивно-ребяческие статьи» «Рабочей правды», резко расходящиеся с результатами его анализа социальных условий эпохи. Однако, освободив Богданова, «Железный Феликс» не преминул сказать: «Ваши идеи служат контрреволюции».

Дело «Рабочей правды» окончательно скомпрометировало Бог-

данова политически. От него отвернулись и прежние почитатели. Пролеткульт официально отрекся от «ложных тенденций богдановщины». Отныне Богданову суждена была роль «официального дьявола», на «которого дуют и плюют».

Идеи Богданова о пролетарской культуре принято связывать с возникшим в 1923 г. движением литераторов-напостовцев, установивших посредством Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) диктат над советской литературой. Однако между Пролеткультом Богданова и РАППом нельзя ставить запятую. Пролеткульт строился на демократической основе, его председатель Лебедев-Полянский подчеркивал, что «Пролеткульт не дает директив», Богданов призывал, как мы помним, к товарищеской критике, избавлению от «грубо-солдатских мотивов». РАПП был построен на военный образец, его лидеры требовали «литературной чека», возвели в норму разносно-угрожающую критику, призывали к беспощадной классовой борьбе в литературе. Присвоив себе роль «ячейки ВКП(б) в литературе», рапповцы прямо переносили в литературную среду ожесточенность внутрипартийной борьбы, разгоревшейся после смерти Ленина, упорно выискивали среди писателей «троцкистов», «правых уклонистов», носителей «меньшевистской контрабанды» и т. д. Само за себя говорит сравнение заглавий журналов и сборников Пролеткульта («Горн», «Гудки», «Мир и человек», «Твори!») и РАППА («На посту», «На литературном посту», «С кем и почему мы боремся», «Удар за ударом» и т. п.). Лидеры РАППа — Л. Авербах, В. Киршон, В. Ермилов и отчасти А. Фадеев, присвоив себе право говорить от имени пролетарской литературы, своим вульгаризаторством дискредитировали идею пролетарской культуры.

Разумеется, рапповцы «дули и плевали» на Богданова, как и их противники вроде критика-«либерала» Вяч. Полонского, крайне предвзято осветившего тему «Богданов и пролетарская культура» в своих «Очерках литературного движения революционной эпохи» (1928). И еще одно обстоятельство, отмеченное женой А. Фадеева, писательницей В. Герасимовой: «Поддержку РАППу, тайную, но всевластную, оказывал женатый на сестре Авербаха тогдашний глава НКВД Генрих Ягода»[6].

Характерен в этой связи упрек, сделанный Богданову после

его гибели автором некролога в журнале «Под знаменем марксизма» (1928. — № 4): «По Богданову, мы имели следующие равноправные формы рабочего движения: политическое (партия), экономическое (профсоюзы), хозяйственное (кооперация) и культурно-идеологическое (Пролеткульт). На такую постановку вопроса мы согласиться не могли, ибо... рассматривали Пролеткульт как форму организационного обобщения творчества рабочего класса, которое видели и в партии, и в профсоюзах, и в Чека». Да: не тектология и не НОТ, а НКВД стал инструментом победоносного «строительства» социализма под «водительством» генсека Сталина. В течение 30-х годов погибли вместе со своими идеями многие нотовцы и «политехнисты», и был поставлен крест на марксистском идеале всестороннего работника, свободного от прикованности к одному участку производства.

ПРОЛЕТАРИАТ, ТЕХНОКРАТИЯ И БЮРОКРАТИЯ

Несмотря на дискриминацию имени Богданова, его подвиг как врача, директора Института переливания крови, достаточно широко известен. Этого нельзя сказать о результатах, достигнутых в последние годы жизни Богдановым как социологом, политическим мыслителем и теоретиком социализма. Во многом это объясняется тем, что Коммунистическая академия из «политико-тактических соображений» отказалась опубликовать 3 крупных доклада Богданова — «Мировая война и революция» (1921), «Общественнонаучное значение новейших тенденций естествознания» (1923) и «Линии культуры XIX и XX века» (1928). Прежде чем кратко суммировать их содержание, остановимся на предъявляемом Богданову обвинении в «технократизме».

Дурная многозначность слова «технократ» — одно из проявлений упоминавшейся нами «болезни языка». Первоначально технократией назвало себя общественное движение в США, опирающееся на идеи крупнейшего американского экономиста Т. Веблена (1857—1929), сконцентрированные в книге «Инженеры и система цен» (1921). Резко критикуя монополистический капитализм, стяжательство и паразитизм финансовых магнатов, Веблен считал основным противоречием капитализма противоречие между «миром биз-

неса», погоней за прибылью и «миром индустрии», интересами производства. Империализм — кульминация этого противоречия, когда предпринимательство становится тормозом технического и социального прогресса. Чтобы исправить положение, необходим «новый порядок» — власть «Генерального штаба» инженеров и технических специалистов. Инженеры должны осознать свою незаменимость и полностью контролировать индустриальную систему, поскольку они одни способны компетентно управлять ею.

Будучи единственным буржуазным экономистом, положительно отнесшимся к Октябрьской революции, Веблен считал, что, если революция произойдет в США, ею должны руководить монолитные «гильдии технических специалистов», а не политическое меньшинство — партия, как в разрозненной и промышленно отсталой России, и не «разнородные и громоздкие» объединения рабочих. Веблен возлагал надежды на «новое поколение инженеров», не зараженное духом коммерческой преданности финансистам.

А. А. Богданов описал технократический идеал еще в 1916 г. и тогда же указал на его противоположность идеалу рабочего социализма[1]. В «Вопросах социализма» Богданов подчеркнул, что если «программа культуры» — овладение пролетариатом универсальным научно-техническим знанием на основе организационной науки — непосильна для рабочего класса, то ему не на что рассчитывать, «кроме перехода из-под ига капиталистов под иго инженеров и ученых».

А в «Инженере Мэнни», сталкивая главного героя с его сыном-коллективистом и моделируя ситуацию использования недоступного трудящимся научного знания в своекорыстных целях элиты, Богданов не только настаивает на достижении интеллектуальной независимости рабочих от технической интеллигенции, но и во весь рост ставит проблему, обозначаемую современными исследователями как проблема «технологической демократии».

Богданов убежден, что «мировая организационная задача» социализма разрешима лишь при условии, что научно-техническое знание не будет фиксировано в узком слое «технической интеллигенции», а станет достоянием миллионов людей труда и разностороннего опыта. Это—прямое развитие мысли Маркса, что рабочий

класс превратит науку «из орудия классового господства в народную силу» [2].

В докладах 20-х годов Богданов рассматривает опыт мировой войны, революций и последующей стадии мирного госкапитализма в свете «мировой организационной задачи». Каковы же ее условия?

В международном пролетариате обнаружилось расслоение на «верхи» — квалифицированные, обладающие организационным опытом, приобщившиеся к культуре старого мира и отчасти ассимилированные им, склонные к компромиссам; и «низы» — более угнетенные и менее культурные, чуждые оппортунизма, но и положительного организационного опыта. Первым надо переучиваться, чтобы перейти от оппортунистически-организационной точки зрения к революционно-организационной; вторым надо столь же многому научиться, чтобы перейти к научно-творческой точке зрения от наивно-боевого утопизма, сводящего социальное переустройство к победоносной гражданской войне и захвату власти. Программа культуры — путь к слиянию верхов и низов пролетариата и завоеванию для него лучших сил организаторской интеллигенции. Только таким путем, подчеркивал Богданов, пролетариат, используя мирную передышку, восстанавливающую производительные силы для социализма, сможет подготовиться к мировой организаторской роли, а не к роли «заурядбюрократии», поневоле выполняемой им в России.

Большая же часть наемно-организаторской интеллигенции — инженерно-технической и чиновничьей — в период культурного «вызревания» пролетариата составляет основу нового руководящего класса. Техническая интеллигенция уже раньше фактически была деловым организатором капитализма, а во время войны ее роль еще более возросла. Военно-государственный капитализм опирался на ее знания и умения. Теперь настает ее время — переходная фаза социал-бюрократии.

Будучи классом по природе (особое положение в системе производства), организаторская интеллигенция не была таким по самосознанию; ее верхи прямо примыкали к крупной буржуазии, а низы направляли усилия на то, чтобы выбиться вверх силою знания, воли и таланта. Во время войны и революции техническая ин-

теллигенция поплатилась за свою раздробленность — с ее интересами менее всего считались. Это дало импульс ее самосознанию, она начала серьезно организовываться, превращаясь в «класс для себя».

°После «мирового военного кризиса» перед буржуазией стала задача организации капитализма в национально-государственном масштабе, и при вполне развитом госкапитализме техническая и чиновничья интеллигенция должна вобрать в себя всю буржуазию, являться новой формой ее существования как господствующего класса.

В своем последнем докладе «Линии культуры XIX и XX века»[3] Богданов корректирует свою трактовку организаторской интеллигенции как нового производственно-руководящего класса при капитализме. Выделяются две различные культурные линии (с массой переплетений, переходов и оттенков) — государственного «норматизма» (военно-чиновничья интеллигенция) и «техницизма» (инженерно-ученые группы). Первая линия имеет своей непосредственной базой не производство, а колоссально развившийся государственный аппарат с включенным в него милитаристским. Она ведет к антидемократизму, национализму и диктатуре.

Поскольку пролетариат не выработал до конца своих организационных методов и не оформил своей культурной линии, в рабочее движение проникают линии буржуазно-интеллигентского техницизма, с одной стороны, и «норматизма» — с другой.

Первая линия выражается в определении непосредственных интересов пролетариата как повышении квалификации и заработка, приобщении к «общей» культуре, в политическом минимализме и пацифизме. Задача планомерности мыслится в виде частных научно-технических задач.

Иначе проявляется линия «норматизма».

Задача хозяйственной планомерности мыслится не научно-технически, а в государственно-регулятивном смысле: масштаб максималистский, но без сознания внутренних закономерностей организуемого процесса; характерно отрицание экономической теории для социалистического общества у некоторых теоретиков этой линии, а также мысль о возможности вполне планомерной организа-

ции на основе исключения личной свободы (Богданов намекает на главного теоретика ВКП(б) Н. И. Бухарина).

«К этой линии тяготеют широкие неквалифицированные слои пролетариата, слабо затронутые научным техницизмом, но сильно чувствующие потребность в твердом руководстве, в простых, ясных и боевых доктринах, дающих выход стихийной революционности».

Очевидно, что, не оговаривая специально, Богданов незаметно переходит на анализ наблюдаемого им «социализма в одной стране». И за внешне бесстрастным тезисным языком просматривается разочарование поборника «утопии разумных человеческих отношений». Пролетариат не состоялся как класс-всеорганизатор.

Возвышение организаторской интеллигенции стало прологом эры господства «нового класса» — бюрократии. Получившие широкое распространение с конца 1940-х годов теории «нового класса» повторили многие идеи не увидевших света последних докладов Богданова.

ЭГРЕССИЯ И ДЕГРЕССИЯ

Во 2-м томе «Тектологии» (наиболее интересном, на мой взгляд) Богданов вводит два важных понятия — эгрессии («выхождение из ряда») и дегрессии («схождение вниз»), обозначая ими два особых случая системной дифференциации.

Эгрессия — это выделение в системе центрального комплекса, концентрирующего вокруг себя элементы этой системы. Наиболее распространенным типом эгрессий в обществе Богданов называет авторитарные организации и предупреждает, что в революционные эпохи особенно часто и особенно ярко проявляется образование вполне выраженной эгрессии — «твердой власти» — из организации с зародышевой эгрессией, с едва заметной авторитарностью.

Неизбежная уязвимость авторитарных организаций состоит, по мнению Богданова, в стремлении центра непосредственно управлять процессами, происходящими на периферии системы. Ведь концентрация активностей имеет ограниченные пределы — организационная связь между центром и периферическими звеньями

(«цепь эгрессии») по мере своего удлинения неизбежно ослабевает. Попытки центра компенсировать это ослабление властными «усилителями» ведут к перерегулированию системы, и чрезмерная централизация переходит в дезорганизованность. Дезорганизованности способствует и накопление противоречий между «верхами» и «низами» — первые, «в своем властном величии», склоняются к паразитизму и произволу, вторые реагируют озлоблением, вялостью и ненадежностью исполнения. В итоге — духовное разложение общества, рассогласованность сил, бесплодные растраты социальной энергии.

Дегрессия — форма проявления противоречия между возрастанием системной организованности по одним направлениям и ее уменьшением—по другим. Системы, как правило, состоят из двух типов частей: пластичных, обеспечивающих гибкость системы и ее способность изменять свои свойства, и скелетных, ниже организованных (в известном смысле — более грубых), но более прочных и обеспечивающих устойчивость и сохранимость системы. Пластичные комплексы — «творческие», но более уязвимые в соприкосновении с разрушительными воздействиями среды, с ущербом для себя они обеспечивают прогресс системы, создавая новые комбинации элементов. Часть этих комбинаций закрепляется в системе организационно низшими «скелетными» формами. Это и есть дегрессия. Она закрепляет в системе результаты, достигнутые пластичными комплексами; но в то же время придает ей консервативность; «скелет», связывая пластичную часть системы, стремится удержать ее в рамках своей формы, ограничить ее развитие» [1].

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих эвристическое значение богдановской концепции дегрессии. Культуролог В. С. Библер определяет мораль как «засохшую в нормы и предписания форму нравственности». Моральные догматы необходимы как «скрепы этического поведения»; но, отцеживаясь и уплотняясь в веках, они «утрачивают историческое напряжение, культурную изначальность, единственность» [2].

Академик П. В. Симонов сравнивает «левое полушарие» человеческого мозга (знакомая нам проблема!) с... цензурой, которая охраняет строгий порядок коллективного опыта человечества, сконцентрированного в со-знании (знании, которое можно передать

другому), защищает его от сомнительных, не подтвержденных практикой, причудливых комбинаций (подобных сновидениям). Но эта «цензура» мешает рождению новых гипотез, парадоксальных идей, противоречащих разложенному по полочкам опыту. Консерватизму сознания противостоит неосознанность определенных этапов творческой деятельности — интуитивные озарения, стимулируемые «правым полушарием».

Если консерватизм дегрессии подавляет поисковую функцию пластичных комплексов, система останавливается в развитии. «Окостенение» догмы, отжившие хозяйственные структуры или политические формы способны остановить развитие целых обществ и привести к упадку целых стран, подчеркивает Богданов. Природа идеологий — вообще дегрессивная, и «окаменелость», жесткость формальной идеологии часто становится на пути прогресса социальной системы. В идеологической области дегрессия тесно увязана с эгрессией, концентрацией мысли вокруг исторического «авторитета», обожествляемого последователями. «Боги растут и все дальше уходят от людей, но в то же время их роль становится все более консервативной, их авторитет сжимает и стесняет живую жизнь»[8].

Концепция дегрессии великолепно объясняет судьбу величайшего интеллектуального и общественного течения XIX в. — марксизма, превратившегося в веке XX из учения, освобождающего мысль, в орудие идейного закрепощения. В 1917 г. в России марксизм не столько одержал, сколько «потерпел победу», приобретя форму идеологической окаменелости, в которой творческие ростки были придавлены «организационно низшими» доктринальными элементами (первичность материи, диктатура пролетариата, руководящая роль партии и т. д.).

Учение о дегрессии позволяет внести ясность в «великую дилемму демократии» — свобода или социальная справедливость? Противопоставляемое свободе равенство, на наш взгляд, не что иное, как дегрессия социальной справедливости, необходимая, но неизбежно консервативная, превращающаяся в оковы прогресса, если устраняется творческое беспокойство свободы.

Наконец, введенное марксистом Богдановым понятие дегрессии позволяет преодолеть основную догму марксизма — об уничто-

жении товарного хозяйства. Рынок в самой общей форме можно определить как дегрессию материальной заинтересованности. Эта дегрессия необходима для закрепления таких «благоприобретенных признаков» цивилизации, как хозяйственный расчет и свобода потребительского выбора. Своеобразие рыночной дегрессии в том, что она консервирует постоянство нововведений: быть в моде — значит пользоваться спросом.

Однако в соответствии с общей закономерностью дегрессивных форм рынок неизбежно консервирует и организационно низшие элементы цивилизации. Рынок молодого капитализма закреплял не только «инстинкт мастерства» (выражение Т. Веблена), но и милитаризм, колониализм, хищничество промышленных магнатов и нищенское существование «трущобных людей». Рынок «процветающего» капитализма закрепляет не только достижения политической демократии и научно-технического прогресса, но и вульгарный потребительский гедонизм, массовую культуру, привыкание к насилию (от детских игр до видеофильмов), наркобизнес. Социальный прогресс был бы невозможным, если бы поверх рыночной дегрессии не лежали пластичные формы цивилизации — традиции высокой культуры, отстаивание прав трудящихся и кооперативные идеалы, экологические движения и коммунитарные эксперименты (их масштабы и сегодня достаточно значительны).

Шаг к пониманию рынка как необходимой, но недостаточной социально-экономической дегрессии сделал друг Богданова, выдающийся экономист В. А. Базаров. Работая в 20-е годы в Госплане, он использовал идеи тектологии для разработки методологии планирования и построения общей теории хозяйственного развития. Оппонируя (пока это было возможно) сторонникам «силового» варианта индустриализации и скороспелого обобществления хозяйственных форм, Базаров предлагал стратегию «оптимальной индустриализации», ядром которой служила идея сбалансированного роста, основанного на гибком сочетании плана и рынка, постепенном повышении культуры населения. Нэп был для Базарова уроком того, что рынок и хозрасчет «создают своего рода индивидуальный счетчик, автоматически отмечающий результаты деятельности каждого индивидуального предприятия, что, конечно, очень упрощает задачу контроля и самоконтроля». Но для успеха социа-

лизма необходимо и другое — стимуляция творческой инициативы низов, «создание такой общественной среды, таких ассоциаций, где систематически культивировался бы дух творчества и изобретательства, где сформировалось бы новое понятие о чести, о человеческом достоинстве» [4].

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ И ДРУГИЕ ГОДЫ: ПОЧЕМУ НЕ ПИШУТ ПРАВДЫ О БОГДАНОВЕ

«Будущее, быть может, недалекое, покажет, что из этого глубоко оригинального мира идей включится в сокровищницу нашего знания как прочное приобретение»,— писали в 1929 г. в предисловии к заключительному тому «Тектологии» В. А. Базаров и экономист И. А. Кан. Увы — «недалекое будущее» оказалось весьма печальным для идей А. А. Богданова и его имени.

Уже в том же 1929 году «великого перелома» борьба с «богдановщиной» провозглашается актуальной задачей партии на идеологическом фронте. «Богдановская теория равновесия» объявляется истоком «правого уклона» Бухарина и «вредительских теорий планирования» крупных экономистов Базарова, Громана, Кондратьева. Направляемые Сталиным «революционные марксисты» опираются на спешно опубликованные замечания Ленина 9-летней давности на книгу Бухарина «Экономика переходного периода». Ленин критиковал Бухарина не за апологию «военного коммунизма», а за использование ряда терминов из статьи Богданова о НОТ. Эти термины, по мнению Ленина (статьи Богданова не читавшего), «фундированы философией идеализма и эклектицизма». Содержательный анализ показывает, что выводы Ленина о подражании Бухарина «философским ошибкам Богданова» не имеют под собой оснований. Но кто в 1929 г. мог усомниться в букве ленинских текстов? И «ценнейший теоретик партии» Бухарин был скомпрометирован как «недиалектик, богдановец».

На сфабрикованном (1931) процессе «Союзного бюро РСДРП(м)» среди обвиняемых (главным образом экономистов) — Базаров и Громан. В многочисленных статьях «тектологическая тарабарщина» непосредственно вплетена в обвинения, предъявленные «меньшевикам-вредителям».

1937-й. Арестован Бухарин — «верный ученик махиста Богданова»[1]. Репрессированы хранитель архива Богданова рабочий В. В. Глаголев, бывшие пролеткультовцы А. Гастев, М. Герасимов, В. Кириллов, И. Филипченко и другие. Имя Богданова исчезает из названия института переливания крови.

Появляется книжка «Борьба Ленина с богдановской ревизией марксизма». От нее идет (из 37-го!) взлелеянный энциклопедиями, учебными пособиями и лжедиссертациями миф о «богдановско-пролеткультовском нигилизме». Автор злостной фальсификации — некто Щеглов, соплагиатор одиозного М. Митина[2], редактор — М. Иовчук, будущий функционер ЦК КПСС и ректор Академии общественных наук.

За годы сталинщины в общественном сознании прочно укоренился миф о Богданове — «махисте» и «нигилисте». В 1952 г. Сталин обвинил в богдановщине экономиста Л. Ярошенко, у которого, по мнению вождя, получилось что-то «вроде всеобщей организационной науки». В начале 50-х среди обвинений в адрес «буржуазной лженауки кибернетики» фигурирует ее сходство с «избитыми идейками Богданова». На физическом и химическом фронтах в разгаре борьба с «махизмом».

Хрущевская «оттепель» не реабилитировала Богданова. Не помогла и сменившая антикибернетическую кампанию кибернетическая эйфория. В вышедших в 1961—1981 гг. 10 увесистых томах под названием «Кибернетику — на службу коммунизму» не упоминается имя Богданова — пионера соединения социалистической идеи с системно-кибернетическим анализом вопросов функционирования социальных структур и управления ими.

О Богданове как о предшественнике кибернетики впервые заговорили за рубежом. В 1960 г. французский социалист Л. Апостель характеризовал всеобщую организационную науку как попытку «обновить с помощью кибернетики очертания всеобщей теории труда К. Маркса». В 1961 г. снять запрет с «Тектологии» — «полного проникновенных наблюдений и пионерских мыслей труда», — призвал президент Польской академии наук Т. Котарбиньский, один из главных представителей всемирно известной львовско-варшавской школы логиков и философов. Котарбиньский отнес Богданова к пионерам развиваемого польскими учеными нового научного на-

правления — праксеологии, «общей теории хорошей работы».

Задача «критического анализа тектологии А. А. Богданова» была поставлена в 1964 г. на методологическом семинаре по кибернетике в одном из технических вузов Ленинграда. Узнав об этом, редакция (во главе с М. Иовчуком) журнала «Философские науки» поместила злобную статью Л. Суворова «Из истории борьбы В. И. Ленина, партии большевиков против богдановской организационной науки». Охаивая Богданова, статья отказывала ему в праве считаться не только предшественником кибернетики, но и вообще ученым! А В. Г. Афанасьев, в будущем редактор «Правды» и академик, в 1-м выпуске альманаха «Научное управление обществом» (1967) повторил старую фальсификацию, что «закон наименьших» Богданова — призыв равняться по низшему. Эти выпады сделали невозможным напрашивавшееся переиздание «Тектологии». Но не ее изучение, начало которому положила статья биолога М. И. Сетрова «Об общих элементах тектологии А. Богданова, кибернетики и теории систем» в «Ученых записках кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда» (1967). В 1968 г. поляк В. Пшеласковский показал эквивалентность «закона наименьших» Богданова и современных принципов «сетевого» планирования и управления («метод PERT»).

В 5-й том «Философской энциклопедии» (1970) вошла статья «Тектология», написанная сыном Богданова А. А. Малиновским — генетиком, переведшим на русский язык знаменитую книгу Э. Шрёдингера «Что такое жизнь?», одним из тех, кто противостоял монополизму Лысенко. Наконец, в 1972 г. академик-биолог А. Л. Тахтаджян в большой статье «Тектология: история и проблемы» раскрыл значение тектологии как первой общенаучной системной концепции, опередившей «общую теорию систем» известного биолога Л. фон Берталанфи.

Отдавая должное советским ученым, «открывшим» Богданова как теоретика системного подхода, надо заметить, что их работы публиковались в малодоступных изданиях, рассчитанных на узкий круг специалистов, и не доходили до широкого читателя. А вот псевдонаучные «исследования», искажавшие облик Богданова как мыслителя и человека, выходили массовыми тиражами. Таковы, например, «монография» В. Горбунова «Ленин и Пролеткульт» (1974)

и брошюра Э. Ильенкова «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма», о которой следует сказать особо ввиду наметившейся в последнее время тенденции к канонизации Э. В. Ильенкова.

...В обществоннонаучной среде периода «застоя» действовал «эффект Налбандяна» (художник-лауреат, автор парадных портретов Сталина, Ленина (после 1956 г.), Брежнева). Выдвиженцы сталинского лихолетья боролись за чистоту «ленинизма». Они низвели марксизм до уровня описанной в свое время А. Грамши «господствующей общеморальной концепции», которая «устарела, распалась на составные части, стала лицемерно-формальной, но пытается насильственным образом сохранить прежнюю силу воздействия на умы, вынуждая общество жить двойной жизнью; периоды моральной распущенности и разложения как раз отражают реакцию на лицемерие и двуличие — реакцию, принимающую крайние формы»[3]. Неспособный выдвинуть какую-либо альтернативу процессу изживания коммунизма как «окончательной идеи», «марксистский» научно-бюрократический истэблишмент был зато способен «закрывать» под предлогом борьбы за «чистоту» учения таких неординарных фигур, как «ревизионист Богданов».

Но параллельно с бюрократическим, лицемерно-формальным «марксизмом» возник другой «атмосферный поток», вызванный образованием в СССР самовоспроизводящегося слоя филистерской интеллигенции, портрет которой дан в известной статье философа В. Ф. Кормера «Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура». Если «взглянуть на интеллигенцию сегодняшнюю, то прежде всего бросается в глаза одно отличие ее от былого: буржуазность. Буржуазность в манерах... в обстановке квартир, в суждениях (выделено мной. — Г. Г.)». «Своя квартира, возможность роста по службе, диссертация — вот необходимый минимум»[4].

В годы застоя закостеневший в догматике бюрократический «марксизм» отталкивал интеллигенцию от социальных идеалов и одновременно пропитывался филистерскими умонастроениями. (Итог — современный упадок марксизма, высвобождающий, по словам публициста Вс. Вильчека, «нечто противоположное разуму — от мистицизма до скотства».) Равнодушие, а то и прямая враждебность к марксизму со стороны интеллигенции, настроившейся на «элитную ноту» и отмежевавшейся от идеи «блага наро-

да», в неменьшей степени объясняет инерцию устойчивого предубеждения к Богданову и его идеям (в особенности к идее «пролетарской культуры» — безо всякого желания разобраться в ней), чем бюрократические догмы.

Казалось бы, Э. В. Ильенков, заслуживший уважение и вкладом в развитие диалектической логики, и благородной работой с воспитанниками интерната слепоглухих детей, не был ни приспособленцем, ни «элитарием». Почему же его брошюра о Богданове столь тенденциозна, несет столь явный след и бюрократических схем, и интеллигентского филистерства? Думается, причина — в подходе Ильенкова к марксизму как к форме интеллигентского самоудовлетворения. Такой подход сам по себе допустим, но «опрокидывать» его в прошлое, применяя к изучению таких фигур, как Богданов (равно как Ленин или сам Маркс), нельзя. В результате в ильенковской брошюре отсутствует даже честное изложение взглядов Богданова, совершенно искажены сюжетика и проблематика обоих его романов («надо отдать власть инженерам» — ставит Ильенков с ног на голову смысл «Инженера Мэнни»), позиция Богданова в 1917 г. определена как «полная неспособность понять, куда несет рок событий» (а диагноз «военного коммунизма», угрозы ядерного самоуничтожения?) и т. д.

Маркс иронически писал, что Прудон «как философ, обладающий магической формулой, считает себя избавленным от необходимости вдаваться в чисто экономические детали» и «у него не хватает ни мужества, ни проницательности для того, чтобы подняться — хотя бы только умозрительно — выше буржуазного кругозора»[5]. Так и Ильенков пишет о «рискованных экспериментах в советской экономике 20-х годов, основанных на богдановской теории равновесия, ведущей прямое происхождение от Авенариуса и Маха». В этой фразе — и полная историко-экономическая некомпетентность, и недобросовестность философа. На понятии «экономического равновесия» основывались не сторонники (Сталин и К°), а противники «экспериментов» над объективными экономическими процессами, сверхиндустриализации и авантюристического планирования — В. А. Базаров, В. Г. Громан, Н. Д. Кондратьев, Т. И. Райнов, Л. Н. Юровский (цвет экономической науки 20-х годов). А философскую концепцию Авенариуса «равновесие — жиз-

ненный идеал системы» Богданов всегда критиковал.

Богданов ясно осознавал, что два главных препятствия для понимания его идей — «филистерство специальности» и «вампир абсолютного марксизма». Но есть еще одна причина того оболгания Богданова, которое было, есть и будет.

Замечательный рассказ Андрея Платонова «Юшка» посвящен незлобливому старику, на котором безнаказанно вымещали свое зло сельчане и над которым глумились дети, радовавшиеся тому, «что с ним можно все делать, а он им ничего не делает». Вот таким «интеллектуальным Юшкой» стал для многих «махист», «ревизионист», «пролеткультовец», «технократ» Богданов. Критиковать его всегда было легко — никто не станет заступаться за одиозного противника Ленина. Легко хулить Богданова и сейчас, когда можно укрыться за бамбуковой изгородью скороспелого плюрализма. Не понимаешь из-за «недостатка элементарной энциклопедичности» (так удачно охарактеризовал филистерскую узость современник Богданова Н. А. Морозов) глубоких обобщений «Тектологии» — назови их схоластикой. Не знаешь истории астрономии и космонавтики — ври про «божью помощь», с которой Богданов отправляет своих героев на «космополитический Марс».

В одной записной книжке Богданов сказал о своих критиках: «Темные люди, которым учиться нужно». Можно сказать и иначе: «Стыдно, сограждане!»

* * *

В заключение вспомним еще раз мёбиусову ленту. В чем односторонность А. А. Богданова как мыслителя марксистской ориентации?

Современная наука выделяет два основных типа культур: ориентированные на предметно-активистский способ жизнедеятельности и ориентированные на созерцание и самоуглубление. Марксизм обычно связывается только с первой из этих культурных ориентаций (ее односторонность сегодня очевидна). Он заявил о себе как о миропреобразующем учении, ставящем целью рациональную направленность бесконечного роста производительных сил и сознательное проектирование общественных отношений. Эта установка задана философски в тезисах Маркса о Фейербахе, оформле-

на Энгельсом в «Анти-Дюринге» и достигла научно-теоретической кульминации в «Тектологии» Богданова.

Однако русская марксистская традиция в лице А. К. Воронского и А. В. Луначарского обосновала и другую культурную ориентацию. Увидеть и художественно воссоздать «мир, прекрасный сам по себе», бескорыстно любоваться природой и людьми, черпать творческие импульсы из сокровенных впечатлений детства, «соединить остроиндивидуальное восприятие жизни с чувством прочной данности мира»[6] — этот эстетический способ постижения мира противоположен научно-практическому, «тектологическому». Но только в единстве обоих типов постижения мира возможно поступательное развитие социалистического идеала как части мировой культуры.

Несмотря на свою односторонность, наследие Богданова — яркий пример того, что идея социализма не сводится к классовой борьбе, доктринам и режимам, а может быть полем исследовательской работы, орошаемым потоками мировой культуры. Неразумно было бы затаптывать это поле.

ПРИМЕЧАНИЯ

Социализм как призвание ученого

[1] См.: Соловьев-Андреевич Е. А. Опыт философии русской литературы. — Казань, 1922. — С. 229.

[2] Такер Р. Сталин. — М., 1990. — С. 45.

[3] Соловьев-Андреевич Е. А. Рабочие люди и «новые идеи». — М., 1906. — С. 113.

[4] Богданов А. А. О пролетарской культуре. — М.-Л., 1924.— С. 240.

[5] Лепешинский П. Н. На повороте. — Пб., 1922. — С. 25.

[6] Вертгеймер М. Продуктивное мышление. — М., 1987. — С. 20—21.

[7] См.: Юдин Б. Г. Социальный генезис советской науки // Вопросы философии. — 1990. — № 12. — С. 23.

Еретик

[1] Ермолаев И. Мои воспоминания // Север. — Вологда. — 1923. — № 3—4. — С. 11.

[2] Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. — Т. 3. — М., 1957. — С. 226.

[3] См.: Богданов А. А. Вопросы социализма. — М., 1990. — С. 10.

[4] Лосев А. Эстетика Возрождения. — М., 1978. — С. 546.

[5] Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. — М., 1986. — С. 354.

[6] Лепешинский П. На повороте. — С. 205—206.

[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 42. — С. 290.

Отблески «Красной звезды»

[1] Утопия и утопическое мышление. — М., 1991. — С. 6.

[2] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 16. — С. 596.

[3] См.: Хейман С. А. Научно-техническая революция вчера, сегодня и завтра. — М., 1977. — С. 3.

[4] Архив А. М. Горького. — Т. XIV. — М., 1976. — С. 21.

**Карл Маркс и Фридрих... Ницше,
или Почему Богданов не был «богостроителем»**

[1] Ницше Ф. Сочинения. — М., 1990. — Т. 2. — С. 92.

[2] Партия в революции 1905 года. — М., 1934. — С. 50.

[3] См.: Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг, правый мозг. — М., 1983. Саган К.. Драконы Эдема. — М., 1986. Иванов Вяч. Высшие формы поведения человека в свете проблемы доминантности полушарий // О человеческом в человеке. — М., 1991.

[4] См.: Маслов С. Асимметрия познавательных механизмов и ее следствия // Семиотика и информатика.— Вып. 20.— М., 1983.

[5] Ротенберг В., Аршавский В. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур // Вопросы философии. — 1984. — № 4.
[6] См.: Образование. — 1907. — № 10. — Отд. 2. — С. 6, 7.
[7] Троцкий Л. Портреты революционеров. — М., 1991. — С. 192.
[8] Луначарский А. Религия и социализм. — Т. 1. — Спб., 1908. — С. 14.
[9] Луначарский А. Собрание сочинений. — Т. 1. — М., 1963. — С. 289.
[10] Ницше Ф. Сочинения. — Т. 2. — С. 251.

Социализм как организационная задача

[1] См.: Койре А. Очерки истории философской мысли. — М., 1985. — С. 128—131.
[2] Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. — М., 1989. — Кн. 1. — С. 71.
[3] См.: Богданов А. Падение великого фетишизма. Вера и наука. — М., 1910. — С. 106.
[4] Богданов А. Вопросы социализма. — С. 417.
[5] Там же. — С. 327, 332—334.
[6] Богданов А. А. Тектология. — Кн. 1. — С. 50.
[7] Там же. — Кн. 1. — С. 241, 242.
[8] Там же. — Кн. 2. — С. 344.

Пролетарская культура и новый тип работника

[1] Новая русская книга. — 1922. — № 1. — С. 4, 5; Новая русская книга. — 1921. — № 3. — С. 3, 4.
[2] Памяти Ф. И. Калинина. — М., 1920. — С. 36.
[3] См.: В. И. Ленин о литературе и искусстве. — 5-е изд. — М., 1976. — С. 445, 665.
[4] См. там же. — С. 458, 589—607.
[5] Известия ЦК РКП(б). — 1923. — № 9—10. — С. 14.
[6] Вопросы литературы. — 1989. — № 6. — С. 115.

Пролетариат, технократия и бюрократия

[1] См.: Богданов А. А. Тектология. — Кн. 2. — С. 75.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 17 — С. 559.
[3] Хранится в ЦПА.

Эгрессия и дегрессия

[1] Богданов А. А. Тектология. — Кн. 2. — С. 108—136.
[2] Этическая мысль. — М., 1990. — С. 18.
[3] Богданов А. А. Тектология. — Кн. 2. — С. 139, 148.
[4] Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. — Л., 1989. — С. 216, 219.

Тридцать седьмой и другие годы:
почему не пишут правды о Богданове

[1] См.: Под знаменем марксизма. — 1937. — № 4—5. — С. 34.

[2] См.: Королев С. Человек на вышке // Советская культура. — 1988. — 17 сентября.

[3] Грамши А. Избранные произведения. — М., 1980. — С. 327.

[4] Вопросы философии. — 1989. — № 9. — С. 66.

[5] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 4. — С. 146, 147.

[6] Воронский А. К. Искусство видеть мир. — М., 1987. — С. 538—560. Луначарский А. В. Собрание сочинений. — Т. 8. М., 1967. — С. 189, 190.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

ГЛОВЕЛИ Георгий Джемалович

«СОЦИАЛИЗМ НАУКИ»:
МЁБИУСОВА ЛЕНТА А. А. БОГДАНОВА

Редактор *В. Р. Быстров*
Мл. редактор *Т. А. Тарасова*
Худож. редактор *М. А. Гусева*
Техн. редактор *Т. В. Луговская*
Корректор *Л. В. Иванова*

ИБ № 11853

Сдано в набор 30.09.91. Подписано к печати 24.10.91. Формат бумаги $70 \times 108^1/_{32}$. Бумага тип. № 2. Гарнитура журнально-рубленая. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 2,89. Уч.-изд. л. 3,43. Тираж 8792 экз. Заказ 1192. Цена 40 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 911311.
Типография Всесоюзного общества «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

40 коп. Индекс 70093